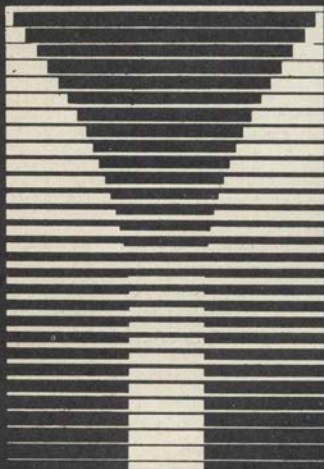


В. Г. ПАПАВА

Р. О. АХМЕТЕЛИ



Грузия на пути экономической самостоятельности



„МЕЦНИЕРЕБА“

სარჩევი

წინასიტყვაობა	33
1. სოციალიზმის პრობლემები და ქართული გამოცდილება	41
2. საქართველოს ეკონომიკური მნიშვნელობა გუშინ და დღეს	118
3. „რეალური სოციალიზმის“ ეკონომიკური სისტემა და მისი გარდაქმნის გზები	263
4. ეკონომიკის ესტონური მოდელის უპირატესობანი	377
5. მოკავშირე რესპუბლიკის სუვერენიტეტის ეკონომიკური საფუძვლები	455
6. პიროვნების თავისუფლება, ეკონომიკის ტიპი და ეკონომიკური დამოუკიდებლობა	511
7. ეკონომიკური დამოუკიდებლობა და ჩრდილოეთი ეკონომიკა	627
8. ეროვნული ქართული ვალუტა	697
9. სოციალური სფერო და სახელმწიფო რეგულირება	733
10. ეკონომიკის ინტერნაციონალიზაცია და სახელმწიფო სუვერენიტეტი	811

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	33
1. Проблемы социализма и грузинский опыт	41
2. Экономическое значение Грузии вчера и сегодня	118
3. Экономическая система «реального социализма» и пути ее перестройки	263
4. Преимущества Эстонской модели экономики	377
5. Экономические основы суверенитета союзной республики	455
6. Свобода личности, тип экономики и экономическая самостоятельность	511
7. Экономическая самостоятельность и теневая экономика	627
8. Национальная грузинская валюта	697
9. Социальная сфера и государственное регулирование	733
10. Интернационализация экономики и государственный суверенитет	811
საქართველო ეკონომიკური დამოუკიდებლობის გზაზე	921

АКАДЕМИЯ НАУК ГРУЗИИ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ

ПАПАВА В. Г., АХМЕТЕЛИ Р. О.

ГРУЗИЯ НА ПУТИ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ



ТБИЛИСИ
«МЕЦНИЕРЕБА»

1990

В работе в популярной форме раскрываются научные основы преодоления устаревших стереотипов в осмыслении экономической системы СССР. Внимание авторов сконцентрировано на обосновании необходимости восстановления экономического суверенитета Грузии. Вместе с тем значительное место отводится анализу проблем расформирования порочной административно-командной системы экономических отношений и развития альтернативной ей экономики.

Работа рассчитана на широкий круг читателей.

Редактор докт. эконом. наук. Джибути М. Ч.

Рецензенты канд. эконом. наук Гогияшвили Ш. М.
канд. эконом. наук Харбедия Р. С.

П $\frac{0605010406}{М 607(06)-90}$ рез. 90 © Издательство «Мецниереба», 1990

ISBN 5-520-01145-1

ПРЕДИСЛОВИЕ

В наши дни одним из самых больных вопросов в СССР является так называемый межнациональный. Его обострение есть следствие самых разнообразных причин.

Одним из основных направлений развязывания клубка многосторонних противоречий является демонтаж бюрократически-административной системы. Для того, чтобы с достаточной точностью дать более или менее объективную оценку стремлению к экономической самостоятельности, прежде всего надо разобраться с экономическими концепциями тех союзных республик, которые идут к восстановлению государственной независимости.

К настоящему времени в Грузии разработано множество концептуальных вариантов ее экономической самостоятельности. В решении многих содержащихся в них вопросов используется опыт разработок Балтийских республик, которые впитали в себя все лучшее из обществоведческой мысли, что накопилось в современном мире.

Как авторы (работающие в составе временного научного коллектива Ассоциации ученых и специалистов Грузии) «Концептуально-нормативной модели ЭДС»¹ (ЭДС — это начальные буквы грузинских слов: экономически самостоятельная Грузия) в настоящей книге освещаем основные идеи и взгляды, которые легли в основу ее разработки.

При выборе языка написания этой книги мы предпочли русский; исходили при этом из двух причин. Во-первых, многое, о чем здесь говорится, будет небезынтересным для русскоязычного населения Грузии. Во-вторых, мы хотим дать понять всем народам Советского Союза, чего и какими путями собирается добиваться на экономическом поприще Грузия. Отдавая себе отчет в том, что экономика Грузии (как и других республик), к сожалению, характеризуется многими негативными явлениями, мы в глубине души надеемся, что сделанный нами выбор пути их преодоления может послужить положительным примером и для других экономически слаборазви-

¹ Молодежь Грузии, 28 сентября 1989 г., № 114 (9996) — № 115 (9997).

тых союзных республик. Эта надежда подкрепляется уверенностью в том, что, например, русских, украинцев, азербайджанцев или народы Средней Азии волнует судьба родины не в меньшей степени, чем эстонцев, литовцев, латышей или нас, грузин.

Многие вопросы, рассмотренные в настоящей работе, носят дискуссионный характер, и мы, авторы, с большой благодарностью воспримем все дельные замечания.

Отдельные главы книги написаны: гл. 3, 4, 5, 8 — В. Г. Павава, гл. 1, 2, 6, 9, 10 — Р. О. Ахметели, гл. 7, — совместно.

1. ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИЗМА И ГРУЗИНСКИЙ ОПЫТ

Для того, чтобы обновление общества перешло из категории лозунгов в разряд практических дел, необходимо, в первую очередь, дать четкий ответ на вопрос — от какого наследства мы отказываемся. Четкий ответ необходим, ибо это наследство содержит неоднозначные, разнообразные, а зачастую и противоречащие друг другу мысли и положения.

М. С. Горбачев в статье «Социалистическая идея и революционная перестройка» говоря о том, что социалистическая идея имеет многовековую традицию и что Маркс и Энгельс, освободив ее от утопических иллюзий, представили ее в качестве закономерного результата прогресса цивилизации, подчеркивает, что они четко отделяли ее от «казарменного (Маркс) коммунизма». «Основоположники марксизма, — продолжает М. Горбачев, — не занимались изобретением конкретных форм и механизмов развития нового общества», и таким образом «не могут нести ответственности за деформации социализма»¹.

С данным положением невозможно не согласиться. Вместе с тем, чтобы говорить о деформации чего-то, надо знать как это выглядит в недеформированном виде. Иначе говоря, прежде чем говорить о деформации социализма, нужно знать, что такое социализм. Как пишет М. С. Горбачев, по Марксу и Энгельсу в центре социалистической идеи человек, его всестороннее материальное, интеллектуальное, нравственное развитие в обществе, освобожденном от эксплуатации и угнетения, становление которого «связано с высшим развитием материального производства, демократии и личности»². Азбука марксизма гласит, что смена общественных формаций происходит тогда, когда, производственные отношения начинают тормозить развитие производительных сил. Поэтому марксизм исходил из то-

¹ Правда, 26 ноября 1989 г.

² Там же.

го, что условия для перехода к социализму сложатся во многих самых развитых странах, где дальнейший рост производительных сил (человека и материальных) станет невозможен. Его будет ограничивать существующая система отношений в обществе, которая определяет неразрешимость противоречия между трудом и капиталом без ее разрушения. Вот пожалуй наиболее общая картина социализма по Марксу и Энгельсу.

В. И. Ленин специально для России разработал теорию, согласно которой социализм может победить в отдельно взятой и самой отсталой стране капитализма. Причем ему пришлось дополнительно заниматься обоснованием того, что таковой вообще существует на Востоке Европы. Это кардинально противоположное классическому марксизму положение, по-видимому, можно рассматривать как деформацию социалистической теории.

Но в конце концов, в условиях демократии каждый волен иметь собственное мнение, высказывать его. Ведь никто не заставляет других людей верить в него и действовать сообразно с ним. Кроме того, в условиях демократии, люди вольны объединяться вокруг притягательной для них идеи в партии и действовать с целью ее реализации.

Вместе с тем любая партия, а в особенности социалистическая, должна стремиться, в первую очередь, к реализации идеалов, а не к взятию власти, вернее, власть должна являться тут лишь средством для реализации социалистической идеи. Это значит, что в деятельности партии наряду с мероприятиями, направленными на приход к власти, особое место должны занимать вопросы разработки механизма реализации идеи, ради которой собственно и рвется она к власти. Это второе направление в рассматриваемом нами конкретном случае еще более важно, так как классики не оставили даже контуров указанного механизма. Однако В. И. Ленин на пороге октября 1917 г. писал, что: как надо двигаться к социализму «мы не знаем и знать не можем»³. Возможно, и будет неоправданным называть такое отмахивание от определения программы действий на ближайшее будущее отходом от социалистических принципов, но аргументированный, серьезный разговор об этом необходим.

Даже если мы разделим мнение, согласно которому указанная позиция партии большевиков являлась неправомерной, это не значит, что она должна была отказаться от власти. Никакая партия, даже если у нее нет четкой программы действий, этого не делает. Однако каждая партия, раз уже власть у нее в руках, обязана стремиться к реализации проповедуемых ценностей, а не действовать им вопреки — в первую оче-

³ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т.

редь думать о реализации идеалов, а не сосредоточиваться на решении вопроса — как удержаться у власти.

Как отмечает М. С. Горбачев, «в первые годы революции акцент делался на прямое распределение, обязательность труда, строгий учет и контроль — меры, ставшие органическим элементом политики военного коммунизма»⁴. Различного рода статьи и материалы, опубликованные сегодня, показывают, со сколь большими трагедиями были связаны эти меры. Да и зачем статьи, когда сам В. И. Ленин писал: «От трудовой повинности в применении к богатым власть должна будет поставить на очередь задачу применения соответствующих принципов (т. е. подневольной трудовой повинности — Р. А.) к большинству трудящихся рабочих и крестьян... Для учета производительности и для соблюдения учета необходимо устроить промышленные суды... Что касается карательных мер за несоблюдение трудовой дисциплины, то они должны быть строже. Необходимо карать вплоть до тюремного заключения»⁵. И это отнюдь не самое жесткое высказывание. Такой порядок сродни Оруэлловскому, но никак не соответствует социалистическому идеалу, где свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех.

Думается, что непохожесть «военного коммунизма» на социалистический идеал достаточно очевидна и не требует более глубокого доказательства. Но следует ли винить в этом социалистическую идею? Думается, что каких-либо аргументов в пользу положительного ответа на данный вопрос привести невозможно. Что касается отрицательного ответа, то его правомерность подкрепляется наличием иного подхода к пониманию возможностей реализации социалистического идеала. Социал-демократия европейской традиции не только не разделяла характера действий РСДРП(б), но и придерживалась кардинально-противоположных взглядов.

Лидер европейской социал-демократии того времени Карл Каутский писал: «На Востоке создалось противоречивое положение: материальные условия ставили перед революционным движением буржуазные цели, а международное положение сделало носителем революции пролетариат и интеллигенцию... Что могла сделать на пользу социализма та социалистическая партия, на долю которой выпала участь взять власть в свои руки в таких неблагоприятных условиях? Перед ней были два пути: первый звал не изменять методу Маркса и пытаться применить его в соответствии с особенными условиями Востока. Идти по этому пути было нелегко, более предпочтительным и доступным показался второй путь, который требовал забыть драгоценные положения Маркса, ибо считалось, что эти поло-

⁴ Правда, 26 ноября 1989 г.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 144.

жения мешают быстрому успеху... Попытки большевиков вовсе не достигли цели: по-военному сплоченное меньшинство, которое само подчиняется приказам нескольких диктаторов, не смогло с применением грубого физического насилия навязать необразованному, недисциплинированному массам социалистический строй в стране, лишенной развитой индустрии... сначала они дали дорогу полной анархии, а когда это вызвало быстрый упадок индустриального производства, советское правительство кинулось в другую крайность: подчинило производственные учреждения жесткой бюрократической или военной дисциплине... но развитая индустрия не выносит как анархии, так и принудительной работы. Результатом принудительной работы является подневольный, неприятный труд, расхищение производственных материалов, неуклюжее применение рабочих орудий... Россия все больше и больше отходит от социализма, основывающегося на самостоятельности рабочих, вместо того, чтобы приблизиться к нему»⁶.

Это написано К. Каутским в 1920 году, а в 1921 году уже В. И. Ленин в работе «Новая экономическая политика и задачи политпросветов» пишет: «Мы думали, что по коммунистическому велению будет выполняться производство и распределение в стране с деклассированным пролетариатом. Мы должны будем это изменить... Если мы эту задачу пробовали решить напрямиком, так сказать, лобовой атакой, то потерпели неудачу... При нашей некультурности мы не можем решить лобовой атакой гибель капитализма. При ином уровне культуры можно было бы решить задачу прямее»⁷. Заслугой В. И. Ленина, видимо, можно считать тот факт, что он не только констатирует неудачу, но и признает предыдущие действия ошибочными — видит причину провала не в непоследовательности действий и т. п., а в неправомерности самого подхода. «Мы сделали ту ошибку, что решили произвести непосредственный переход к коммунистическому производству и распределению... Это, к сожалению, факт», — писал в этой же работе В. И. Ленин⁸.

Думается, любой непредубежденный читатель, сравнив приведенные высказывания, с одной стороны, В. И. Ленина и, с другой стороны, К. Каутского, найдет немало параллелей, которые дадут ему возможность заключить, что сущность их оценок первых послереволюционных лет деятельности Советского правительства России совпадает.

Критикуя политику Советского правительства России в послереволюционный период, позже признанную ошибочной и

⁶ К. Каутский. Проблемы и перспективы развития социализма в Грузии. Тбилиси, Изд-во СДРП Грузии, 1920, с. 9—14 (на груз. языке).

⁷ В. И. Ленин. Изб. соч., т. 10, с. 211—214.

⁸ Там же.

В. И. Лениным, К. Каутский говорит о другом, правильном, с его точки зрения, марксистском пути, по которому нужно было бы идти социалистическому правительству в отсталой стране. По мнению К. Каутского, социалистическое правительство, оказавшись у власти в такой стране, должно стараться создавать эти предпосылки, постоянно соизмеряя свои действия с тем, чтобы зарождающиеся социалистические отношения были передовыми как с точки зрения экономической эффективности, так и с позиций повышения зрелости и грамотности рабочего класса. Касаюсь конкретной деятельности, он пишет, что: «пока страна не может полностью обойтись без капитала и для некоторых целей требует его помощи, она должна стараться не спугнуть капитал. В такой стране правительство, где оно проводит социализацию, должно отречься от принципа конфискации и проводить принцип возмещения и выкупа... эту необходимость я еще двадцать лет назад обосновал в своей книге о социалистической революции. Это требование выдвигается с экономической точки зрения, а отнюдь не из-за справедливости... Конфискация капитала дело простое, но несет оно очень вредные результаты: из-за конфискации капиталисты приостановят производство во всех тех отраслях, где невозможно неотложное проведение социализации. Ошибочна мысль, что можно насильно заставить их продолжать производство»⁹. Как видим, К. Каутский исходит из необходимости «мирного сосуществования» социалистического правительства и его политики, направленной на создание условий социализма, с капиталом, поскольку его функционирование является необходимым фактором их формирования.

Примерно так же мыслил себе деятельность правительства в Советской России после «перемены всей нашей точки зрения на социализм» и В. И. Ленин. Судите сами: «Новая экономическая политика... означает переход к восстановлению капитализма в значительной мере. Концессии с иностранными капиталистами, правда, пока их очень немного заключено, в особенности по сравнению с предложениями, которые мы сделали (не удивительно ибо капиталист напуган «военным коммунизмом» — Р. А.), аренда частных капиталистов — это и есть прямое восстановление капитализма и это связано с корнями новой экономической политики»¹⁰.

Думается, что, как в случае с оценкой процессов в Советской России сразу после революции, так и в осмыслении верного пути деятельности социалистического правительства, К. Каутский и В. И. Ленин демонстрируют очень похожий подход. Разница лишь в том, что в первом случае это делается *a priori*, а во втором *aposteriori*.

⁹ К. Каутский. Указ. соч., с. 23—24.

¹⁰ В. И. Ленин. Избр. соч., т. 10, с. 213.

Аналогия между европейской социал-демократической традицией и новой экономической политикой дает основания выдвинуть тезис, что отход от политики военного коммунизма — это возвращение РСДРП(б) на позиции европейской социал-демократии, хотя бы в части экономической доктрины деятельности социалистического правительства.

Если принять этот тезис, то неизбежно встает вопрос — а была ли необходима и закономерна т.н. Октябрьская революция. М. С. Горбачев в вышеупомянутой статье отвечает на данный вопрос следующим образом: «Октябрьская революция не была ошибкой — и не только потому, что реальной ее альтернативой была отнюдь не буржуазная демократическая республика, как в этом пытается кое-кто уверить, а анархический бунт и кровавая диктатура военщины, утверждение реакционного антинародного режима»¹¹. Этот довод можно было бы принять безусловно, если бы не два больших «НО». Во-первых, история, как известно, не знает сослагательных наклонений, а поэтому трудно говорить, что было бы. Во-вторых, если все было бы действительно так, безусловную прогрессивность Октябрьской революции можно было бы признать лишь при условии, что получила бы развитие линия новой экономической политики, если бы не было ни военного коммунизма, ни «сталинщины». Если «военный коммунизм» еще можно (приемлемо ли — другой вопрос) рассматривать в качестве «щепок», летящих во время рубки леса, то репрессии последующих времен отличаются от тех моделей послефевральского развития, о которых говорит М. С. Горбачев лишь тем, что налицо была «социалистическая» кровавая диктатура и «социалистический» антинародный реакционный режим.

Таким образом, говорить о прогрессивности социалистической революции в широком смысле невозможно, если не отвечать на вопрос, являлась ли линия НЭП жизнеспособной, была ли вообще альтернатива «казарменному социализму»? Ответ на этот вопрос интересен не столько с точки зрения оценки прошлого, сколько с позиции сегодняшнего дня, ибо мы и сейчас стоим пока на развилке и не начали движения по другому, отличному от административно-социалистического, пути.

Для такого ответа необходимо разобраться, говоря словами М. С. Горбачева: «Почему Сталину удалось навязать партии и всему обществу свою программу и свои методы?»¹². Без этого предполагать, что у казарменного социализма была альтернатива, по крайней мере некорректно.

В статье М. С. Горбачева имеется основа для поиска ответа. В частности говорится, что деятельность Сталина: «очень сужала возможности творческого обсуждения возникающих

¹¹ Правда, 26 ноября 1989 г.

¹² Там же.

проблем, альтернатив, что вело к унификации, в которой уже не оставалось места для разнообразия мнений и взглядов»¹³. Следовательно, отсутствие плюрализма в партии привело к единоличному диктату в ней. Но если эта партия правящая и к тому же не допускает существования других, единоначалие партийного диктатора распространяется на все общество. Сталину потому и удалось предоставить партии роль проводника общества по пути авторитарного социализма, что не было плюрализма ни в партии, ни в обществе. Говоря о плюрализме, следует отметить, что речь идет не о разнообразии мнений, которое лидер хочет — допустит, а хочет — запретит, или которое может пропасть вместе с его сменой. Речь идет о плюрализме, подкрепленном юридически — если дело касается партии — зафиксированном в уставе правом ее членов организовывать фракции. Однако лишь наличие фракций не предохраняет ни партию, ни общество от попадания в кабалу диктатора, хотя бы потому, что партия вправе решить, что «с понедельника существование фракций запрещается». Поэтому единственной гарантией существования плюрализма в обществе является многопартийная система.

Исходя из вышесказанного думается, что сталинской доктрине социализма существовала бы реальная альтернатива лишь в том случае, если бы в период ориентации на Новую экономическую политику произошло бы формирование многопартийной политической системы.

Согласно известному выражению: политика — это концентрированное выражение экономики. Выше, надеюсь, удалось показать, что новая экономическая политика не что иное, как экономическая доктрина европейской социал-демократии. Естественно, что у европейской социал-демократии была не только своя линия экономического поведения; но и соответствующая ей система представлений о политической организации общества. Она хорошо характеризуется следующими словами К. Каутского: «крайне глупо ведут себя, когда демократический государственный строй окрещивают «буржуазной демократией» и этим стараются вызвать ненависть у пролетариата... и кто знает, те же революционеры, которые сегодня насмеются над «буржуазной демократией», завтра могут быть вынуждены ради своего спасения снова бороться за эту демократию... в условиях демократии социализм осуществляется как плод волеизъявления большинства народа, ...социализм означает лишь то, что общество с сегодняшнего дня не доверяет более управления своей экономической судьбой нескольким капиталистам и помещикам, а берет ее в свои руки. Только осмысленная и энергичная самостоятельность трудящихся масс может создать социализм. Когда же массам с помощью

¹³ Там же.

бюрократического или военного насилия навязывают социализм, его поражение неизбежно»¹⁴.

Сказанное приобретает особое звучание в контексте сегодняшнего положения. В поисках источника обновления социализма все чаще обращаются к новой экономической политике, идеи которой, разумеется, приведенные в соответствие с реалиями современности, закладываются в основу формирования нового облика социализма. Вместе с тем нельзя забывать, что новая экономическая политика не модель общества, а лишь экономическая доктрина, имеющая соответствующую ей политическую систему. Они лишь вместе образуют модель общества.

Поэтому, в поисках путей обновления общества, видимо, нельзя ограничиваться изучением новой экономической политики, которая основывается на экономической доктрине европейской социал-демократии, но и рассматривать опыт реализации ее политической концепции, которым очень богата новейшая история.

Тем более этого нельзя делать в Грузии, где именно и был проведен первый эксперимент по строительству демократического социализма. Грузинская демократическая республика 1918—1921 годов не что иное, как демократическое социалистическое государство, которое хотя и просуществовало недолго, но успело за это время наметить те вехи, по которым затем продвинулись не только многие европейские государства, но и «доадминистративная» Советская Россия.

Чтобы сказанное не осталось голословным заявлением, сошлемся на постановку социально-экономических вопросов в Конституции независимой Грузии. В ней, в частности, говорится, что: «У республики имеется свое торговое и промышленное хозяйство, расширение которого и создание единого, целостного общественного хозяйства является ее главной целью. Республика помогает расширению и усилению такого же хозяйства органов местного самоуправления. Республика может законным путем обобществлять те торговые, промышленные и сельскохозяйственные отрасли и производства, которые пригодны для этого» (ст. 116). «Труд — основа существования республики и его обеспечение — чрезвычайная обязанность республики» (ст. 117); «Гражданину, оставшемуся без работы, предоставляется работа или помощь в виде страховки» (ст. 119); «Нетрудоспособный по старости, по болезни или по другой причине гражданин... получает помощь из государственной казны в виде страховки или другим образом» (ст. 120); «Нормальное рабочее время наемных не должно превышать 48 ча-

¹⁴ К. Каутский. Указ. соч., с. 7—8.

сов; при этом в неделю раз рабочий должен отдыхать не менее 42 часов подряд» (ст. 123)¹⁵.

Как видно даже из приведенных статей, в Конституции закреплён как социалистический характер развития отношений собственности в республике, ибо статья 115 ничего другого не означает, так и по тем временам достаточно, а в некотором смысле беспрецедентно высокий уровень социальной защищённости граждан.

Говоря о социалистическом характере развития Грузии, необходимо подчеркнуть, что оно происходило в демократических условиях и деятельность правительства подвергалась критике с самых различных позиций. Об этом даёт представление ознакомление с различными выступлениями на одном из заседаний Учредительного собрания. Представитель фракции социал-федералистов Ш. Алекси-Месхишвили в своём выступлении говорил: «Сейчас перед учредительным собранием встает для решения следующий вопрос: Какое социальное содержание должно быть у нашего государства? Здесь наш путь расходится с путем правящей партии. Наши планы противоположны. Правящая партия предполагает установление в Грузии всего лишь демократического государства и остерегается дать ему социалистический характер... Мы, социал-федералисты, утверждаем, что знамя освобождения Грузии — это знамя социалистической демократии. Дело этой демократии — экономический подъём нашей страны обобществленным хозяйством»¹⁶. В декларации социалистов-революционеров, оглашенной Л. Шенгелия, критика правительства звучит в гораздо более резкой форме: «Центральная Европа, это гнездо мировой реакции представляет как знаменосец социалистической революции... Перманентная революционная самостоятельность, четкая коллективизация труда и собственности — так понимают назначение социалистического учредительного собрания социалисты-революционеры»¹⁷. Лидер фракции национал-демократов С. Кедия отмечал: «То обстоятельство, что в учредительном собрании сидит более 127 социалистов, а действительность заставляет применять для восстановления государства здоровые буржуазные основы и метод... показывает, что желание и даже большая вера неспособны установить социализм... Правительство не хочет воспользоваться тем испытанным и единственно возможным путем, который везде и всегда создавал и накапливал богатство. Нет никакой гарантии, что собственник может самостоятельно использовать, обрабатывать, оборачивать все

¹⁵ К. Канделаки. Национальное хозяйство Грузии. Независимость Грузии. Книга II. Ее социальное и экономическое положение. Париж. Институт изучения СССР, 1960 (на груз. языке), с. 198—200.

¹⁶ Там же, с. 53.

¹⁷ Там же, с. 56.

движимое и недвижимое имущество... Вопрос профессиональных союзов рабочих, в их современной форме делает просто невозможным экономическую деятельность... Чем быстрее правительство станет на испытанный и надежный путь строительства буржуазного государства, тем скорее станет возможным улучшение нашего тяжелого экономико-финансового положения и если правительство хочет... консолидации нашего государства, оно должно осудить путь революционного социализма и получить доверие в глазах народа, в глазах всех собственников-хозяйственников и торговцев-промышленников»¹⁸.

Как видно из приведенных фрагментов выступлений на учредительном собрании, деятельность правительства подвергалась критике как слева, так и справа. Социалист-федералисты оценивали действия правительства как недостаточно социалистические, призывали к более последовательному, хоть и не резкому, проведению линии на обобществление производства; социалист-революционеры, видимо, соблазняясь опытом северного соседа, требовали перманентного огосударствления экономики и, видимо, вовсе не считали деятельность правительства социалистической. Национал-демократы же, жестко критикуя меры, применяемые правительством, и видя в них насильственное насаждение социализма, советовали восстановить здоровые буржуазные основы экономики. При этом оппозиционеры всех мастей исходным пунктом своей критики делали тяжелое экономическое положение Грузии и считали, что их «рецепты» способны вылечить экономику.

Каково же было действительное положение дел в экономике Грузии? Какие конкретные меры проводило социал-демократическое правительство Грузии? Как можно оценить их по критерию социалистичности с позиций сегодняшних представлений? Вот те вопросы, ответ на которые позволит нам оценить действительную ценность грузинского опыта демократического социализма как в историческом плане, так и с точки зрения решения современных проблем. Конечно, ответ на этот вопрос полностью здесь дан быть не может, но обрисовать некоторые общие контуры представляется вполне уместным.

По данным 1908 года промышленность Грузии состояла из 5304 предприятий, на которых работало 17.666 человек¹⁹. Как видим, в среднем на одном предприятии было занято 3,3 человека. Это говорит о том, что большинство «предприятий» были, попросту говоря, небольшими мастерскими, мельницами и т. д. Даже таким образом учтенная промышленность играла в Грузии весьма скромную роль; на одного промышленного рабочего в Латвии в 1915 году приходилось 20 жителей, в Эстонии —

¹⁸ Там же, с. 54.

¹⁹ Здесь и далее статистические данные приведены из указанного сочинения К. Канделаки.

26, в Литве — 67, а в Грузии — 130. Вместе с тем в Грузии были и более-менее крупные предприятия, прежде всего работающие в области добычи и переработки марганца, угля, обработки металла, хлопка, шерсти, шелка, табака, кожи, а также коньячные заводы и т. п. В Грузии существовало более или менее развитое транспортное хозяйство: железные дороги и порты. Что касается подвижного состава — железных дорог и судов морского флота, то их количество было незначительным по сравнению с необходимым количеством.

Сейчас часто повторяют, что Грузия малоземельная республика. Таковой она была и в период независимости. Из всего земельного фонда Грузии в 1917 году 36,4% принадлежало Российской казне и 63,6% — частным землевладельцам, из которых 17,6% — помещикам и 46% — крестьянам и их обществам. Столь большой удельный вес собственности Российской казны объясняется, с одной стороны, присвоением царствующим домом владений грузинских царей, грузинской православной церкви, а с другой, неспособностью грузинской аристократии вести свое хозяйство. Интересно также заметить, что с периода отмены в Грузии крепостного права количество земель, находящейся в собственности помещиков, сократилось в три раза. Что касается крестьян, то земля, находящаяся в их собственности, составляла около половины десятины на душу крестьянского населения. При этом более двух процентов крестьянского населения Грузии ее не имело вообще, а из крестьян, имеющих в собственности землю, около 15,2% — не имело скота, а около 40% — рабочего скота.

Несмотря на имеющиеся у оппозиции особые мнения по поводу развития Грузии, правительство пошло своим путем. Социал-демократическое правительство Демократической республики Грузии не бросалось из крайности в крайность, от всеобщего рассеяния права собственности к всеобщему огосударствлению, как правительство Советской России, но и не старалось обуржуазить экономическую систему в полном соответствии с существующими в то время в Западных странах образцами. Оно стало на путь постепенного обобществления народного хозяйства соизмеряя свои действия с уровнем его социальной необходимости и экономической целесообразности.

В республике, в рамках земельной реформы, были национализированы полезные ископаемые, водные ресурсы, леса и пастбища, государство взяло в свои руки железные дороги, часть промышленных предприятий, бывшие владения императорского дома и торговлю вывозимыми и ввозимыми продуктами. Важнейшей составной частью промышленности Грузии была добыча и переработка марганца — марганец и его вывоз за границу был объявлен собственностью и монопольным правом государства. Это означало, что хотя его переработка оставалась в руках частных компаний и фирм, практически все

его производство находилось под контролем правительства. Что касается добычи угля, правительство не ограничилось национализацией руды, а выкупило добывающие предприятия и само стало заниматься их эксплуатацией. Важным шагом в сторону обобществления было проведение национализации центрально-эмиссионного банка, хотя во всех европейских странах в то время центральный государственный банк находился в руках частных акционеров. В области землепользования правительство поступило следующим образом: безвозмездно национализировало весь земельный фонд, находящийся в собственности императорского дома, церкви и помещиков (в последнем случае часть владений сверх установленной нормы). Из этого земельного фонда, как было указано выше, недра, леса и пастбища были объявлены исключительной собственностью государства, а остальная земля распределялась между безземельными или малоземельными крестьянами. Распределение земель между новыми собственниками осуществлялось не полностью безвозмездно, но на очень льготных условиях, 400—1000 руб. за 1 десятину.

Среди мер, проведенных правительством, значительное место занимало создание условий для развития «Эроба». «Эроба» — это не что иное как форма самоуправления на местах. «Эроба» занимались в первую очередь самообеспечением продовольствием, но затем взялись и за поставку населению других предметов первой необходимости. К двадцатому году «Эроба» организовали книжные магазины и склады ученических принадлежностей, производство пиломатериалов, механические, кузнечные и столярные мастерские, аптеки, бани. Не менее важным было и развитие кооперации в различных сферах экономической жизни. Это и потребительская кооперация и кредитные товарищества. О масштабах развития кооперативного движения в Грузии говорит хотя бы тот факт, что на 1 тыс. хозяйств в селе членами потребительской кооперации являлось в Грузии 810 человек, в то время как в Армении — 66, а в Азербайджане — 53.

В деятельности правительства существенную роль сыграла также защита мелких производителей как на селе, так и в городах, так как они составляли большинство. При этом правительство создавало особо благоприятные условия развитию обобществленного сектора. Это подтверждается тем, что кредиты, выданные государственным предприятиям, были более значительными, чем частным, и при этом выдавались на более льготных условиях. К сказанному следует добавить, что правительство Демократической республики Грузии старалось привлечь к экономическому возрождению иностранный капитал и на условиях, которые вряд ли можно считать менее выгодными, чем последующее развитие угольной, марганцевой и

шелковой промышленности в условиях нахождения Грузии в СССР.

Из всего вышесказанного можно заключить, что правительство Грузии, во-первых, провело национализацию повсеместно, где, по его мнению, это было целесообразно с точки зрения социальной необходимости и экономической выгоды, во-вторых, использовало в своих интересах частный сектор, в-третьих, заботилось о мелком товаропроизводителе, в-четвертых, способствовало развитию хозяйства «Эроба» и кооперации, в-пятых, принимало меры к социальной защищенности своих граждан, в-шестых, старалось использовать для подъема экономики иностранный капитал. Все это вместе взятое является ничем иным, как тем экономическим строем, создание которого в России должна была обеспечить новая экономическая политика. Кроме того, по пути, на который встало в 1918 году правительство Грузии, пошли в последующем многие социал-демократические партии Европы, которые оказались у власти.

Разговор будет неполным, если не коснуться экономических результатов деятельности правительства, ибо до последнего времени доминировало, а в значительной степени бытует и сегодня мнение, что деятельность правительства привела ко всеобщей разрухе. Такое мнение звучало и в то время и потом в устах как сторонников радикально-коммунистических действий, так и сторонников традиционно-капиталистического развития. Все в мире относительно, или другими словами, истина познается в сравнении. Исходя из этих бесспорных положений только и возможно оценивать экономическое развитие Грузии. Если его рассматривать в контексте радикально-коммунистических воззрений, то нельзя не видеть, что они не выдерживают никакой критики. Осложнение экономического (и политического) положения в Грузии не идет ни в какое сравнение с той экономической катастрофой и политической нетерпимостью, в которую ввергло Россию в 1917—1921 годах воплощение в жизнь радикально-коммунистической доктрины развития. Возвращение на позиции социал-демократии под видом поворота к новой экономической политике подтверждает сказанное.

Безосновательна и критика социал-демократического правительства и с позиции сторонников традиционно-капиталистического развития. Правомерность такого мнения подтверждает сравнение развития Грузии с теми отделившимися от Российской Империи странами, которые встали именно на традиционно-капиталистический путь — Польшей, Литвой, Эстонией и др. Развитие сельского хозяйства Грузии по сравнению с предвоенным периодом происходило более интенсивно, чем не только в этих странах, но и в развитых странах Европы. В 1920 году площадь обрабатываемых земель к уровню 1913 го-

да составляла в Грузии 88%, в Латвии — 75%, в Польше — 62%, во Франции — 78%. Правда, несколько сократилось производство в Грузии традиционных культур (например, табака — в 6 раз), но такая же тенденция характеризовала и указанные страны. В Латвии и Эстонии в 2 раза сократилось производство льна, а во Франции в 2,5 раза сахарной свеклы. В пользу высказанного выше предположения говорит и тот факт, что в 1919—1920 годах государственными доходами покрывался бюджет в Грузии — на 24%, в Эстонии — на 22%, в Польше — на 22%. Подтверждает его и решение в Грузии денежного вопроса. Например, в Польше было выпущено денег на душу населения в количестве 22,1 млн. марок, тогда как в Грузии этот показатель не составлял 7,9 тыс. рублей. Цена одного доллара достигла в Польше 70 млн. марок, в то время как в Грузии не превышала 5,5 тыс. рублей. Еще хуже, чем в Польше, обстояло дело в Австрии, Чехословакии и Балтийских государствах. Ни одно из новых государств не смогло к 1921 году создать стойкую денежную систему, тогда как в Грузии были созданы все предпосылки для этого и намечалась последняя 10-миллиардная эмиссия. Что касается сравнения с Советскими республиками, то несмотря на то, что за 1921—22 годы советской властью республики было выпущено в обращение более триллиона рублей (т. е. в 100 раз больше, чем в период Демократической республики), грузинский рубль оставался равноценным всесоюзной денежной единице и стоил 100 азербайджанских и 150 армянских рублей. Все эти данные приобретают еще большую рельефность, если иметь в виду, что дореволюционная Грузия была намного более отсталой,

Таблица 1

Доля (%) дневной зарплаты, необходимая для покупки 1 кг некоторых продуктов питания в 1920 г. и по ценам на колхозных рынках в 1984 г. в Грузии²⁰

Продукты	Г о д ы	
	1920	1984
Мясо	13,3	62,3
Капуста	2,5	8,2
Картофель	5,2	8,4
С ы р	35,2	63,0
Фасоль	7,9	24,0
Л у к	3,4	20,0
В с е г о	67,5	186,9

²⁰ Таблица составлена на основе статистических данных, приведенных в указанном сочинении К. Канделаки и в сборнике «Народное хозяйство Грузинской ССР в 1985 г.», Тбилиси, Сабчота Сакартвело, 1987.

чем балтийские страны, не говоря о Европе, и никак не более развитой, чем соседние с ней Азербайджан и Армения.

И наконец, приведем таблицу, характеризующую жизненный уровень наемного персонала. (См. табл. 1).

Как видим, в 1984 году для покупки «потребительской корзины», состоящей из равного количества некоторых продуктов питания, рабочим и служащим Грузии требовалась почти двухдневная зарплата, тогда как в 1920 году для этого было достаточно две трети дневного заработка.

2. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ГРУЗИИ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Благодаря своему географическому месторасположению и природным ресурсам Грузия на протяжении своей многовековой истории не раз оказывалась в центре событий мирового масштаба. Показательным в этом отношении является и период Первой мировой войны, когда Грузия, как впрочем и все Закавказье, оказалась втянутой в хитросплетенный клубок интересов «сильных мира сего» государств. Приливы и отливы, смена течений океана мировых политических и экономических процессов того времени бросали кораблик появившейся было Демократической республики Грузия с вала на вал до тех пор, пока, потеряв ориентиры и лишившись возможности дойти до спокойной гавани, он не погряз в пучине.

Первоначально, после свершения в России революции, движение народов Закавказья за самостоятельность получало поддержку Антанты, а в особенности Англии. Необходимо четко представлять себе, что эта поддержка отнюдь не основывалась исключительно, и даже преимущественно, на любви и уважении к народам Закавказья, в том числе к Грузии. Главным движущим мотивом была необходимость реализации собственных экономических и политических интересов.

Дело в том, что Российская революция создала угрозу экономическому могуществу Британской империи, которое основывалось на ее безраздельной власти в странах Востока. Революционная идеология нашла в лице мусульманского населения Азии благодатную почву, ибо ему практически нечего было терять от коммунизма, тогда как получить от него люди надеялись многое. При этом немаловажную роль в придании мусульманским движениям социалистического характера играл тот факт, что Англия, против которой они были направлены, была оплотом капитализма. Антианглийское прямо ассоциировалось с антикапиталистическим, а значит с социалистическим.

Не допустить распространения идей революции в Азии значило для Англии сохранение устоев экономического могу-

щества. Путь к достижению этой цели был увиден в ограничении источника распространения революционных идей — Советской России. Важным моментом деятельности в этом направлении явилась поддержка центробежных тенденций в Закавказье, что должно было ограничить доступ России к нефти и другим жизненно важным ресурсам и таким образом свернуть возможность ее деятельности по распространению революционной идеологии.

Но одно дело желание, а другое возможность. Англия располагала в Азии не очень значительными силами, которые после подписания Брестского мира было бы правильно определить, как и вовсе мизерные.

Брестский мир, предполагавший отторжение обширных территорий Грузии в пользу Турции, в условиях отсутствия перспективы какой-либо действительной помощи со стороны Антанты, стимулировал поиск контактов с Германией, которая, кстати, и сама проявляла в этом деле заметную активность и кое в чем даже старалась ограничить права своего союзника — Турции в пользу Грузии. Так же, как в случае с Англией, и в данной ситуации причиной столь «сердобольного» отношения к судьбе Грузии явился не альтруизм, а рационализм. Дело в том, что широкие промышленные круги Германии, имеющие деловую заинтересованность в районах Кавказа, высказывали беспокойство по поводу расширения влияния Турции. В этих условиях создание независимой Грузии открывало широкий простор для реализации Германией как глобальных экономических интересов в азиатском регионе, так и насущных текущих потребностей.

Что же прельщало в Закавказье вообще и в Грузии в частности Германию?

Во-первых, это географическое положение, в силу которого оно представляло собой естественный путь, причем с имеющимися в наличии коммуникациями, связывающий Европу с обширными регионами Востока. Во-вторых, интерес Германии вызывала и возможность использования Грузии в качестве поставщика в Европу целого ряда видов сырья и продовольствия, в частности, марганцевой руды и других полезных ископаемых, чая, табака, вина, коньяка, шерсти.

Имея в виду, что развитие Грузии в составе СССР привело к росту производства именно этих продуктов, можно несомненно считать, что интересы Германии к Грузии вовсе не отличались особой оригинальностью и вполне соответствовали экономической значимости Грузии в глазах России. Судите сами: добыча марганца к началу 80-х годов возросла по сравнению с 1913 годом в 2765 раз, производство чая — в 1158 раз, табачных изделий — в 12 раз, вина — в 35 раз, в то время как численность населения Грузии за этот же период выросла лишь в 1,9 раза.

Сказанное позволяет заключить, что развитие Грузии в рамках единого народнохозяйственного комплекса СССР происходило в направлении, совпадающем с оценкой ее экономического значения в начале века.

Сказанное является лишь констатацией факта и не может служить основой положительной или отрицательной оценки развития Грузии. Для этого было бы необходимо по крайней мере ответить на следующие вопросы. Во-первых, как воздействовало подобное развитие на международное экономическое значение Грузии. Во-вторых, каким был потенциал такого развития с точки зрения повышения экономической роли Грузии и уровня ее развития. И, наконец, в-третьих, оценить уровень использования этого потенциала.

Ясно, что так или иначе развитие Грузии должно было бы происходить, в значительной степени исходя из того экономического значения, которое ей придавалось в мире. Вместе с тем ясно и то, что, оценивая ее такое развитие, нельзя не принимать во внимание, насколько оно использовалось для поддержания или повышения экономической значимости Грузии, ее социально-экономического развития.

Имея в виду современную экономику Республики Грузия, можно сказать, что ее роль не претерпела значительных изменений¹. Она сохраняет как для СССР, так и для внешнеэкономических связей главным образом роль поставщика ряда полезных ископаемых, продуктов их переработки и продукции агропромышленного комплекса. В общесоюзный фонд поставляется шестая часть производимого картофеля, плодов и ягод, девятая часть овощей, за пределами республики потребляется почти весь объем производства чая, более половины табака, пятая часть виноградного вина, коньяка, мытой шерсти и шерстяной пряжи. В целом в вывозе из Грузии ССР около 40% составляет продукция пищевой промышленности, около 20% — продукция легкой промышленности. Что касается экспорта из Грузии, то здесь большую часть занимает продукция топливно-энергетического и металлургического комплексов и продукция АПК, составляющая более пятой части его общего объема. Почти одну шестую часть экспорта составляют руды, концентраты и т. п., среди которой главную роль играет марганец.

Следует отметить, что структура экспорта Республики Грузия отличается от структуры экспорта СССР в целом. В частности по Грузии более высоким является удельный вес вывоза топлива и электроэнергии — на 12%, руды, концентратов, металлов и изделий из них — на 75% и пищевых товаров и сырья почти в 15 раз. В экспорте Грузии по сравнению с

¹ Советская Грузия на пороге XII пятилетки. Тбилиси, Сабчота Сакартвело, 1985, с. 145—159.

СССР меньшее место занимает доля машин и оборудования почти в 5 раз, химических продуктов — более чем в 2 раза, лесоматериалы и целлюлозно-бумажные изделия — более чем в 100 раз и текстильное сырье и полуфабрикаты — в 5 раз. Удельный вес вывоза товаров народного потребления примерно одинаков. Вместе с тем оснований считать, что структура экспорта СССР более прогрессивна, чем Грузии, нет. Если подходить к вопросу с точки зрения удельного веса продуктов, подвергающихся переработке, и сырья, положение будет приблизительно равным.

Однако сказанное не означает, что развитие Грузии в прошлом следует рассматривать в розовом свете.

Скорее наоборот. Специализация Грузии в составе единого народнохозяйственного комплекса СССР в условиях полной ее зависимости в плане проведения экономической политики привела к обострению проблем развития. В сельском хозяйстве монокультурное развитие привело к сокращению самой возможности производства базовых сельскохозяйственных продуктов, свободное получение которых в обмен на продукты специализации так и не стало возможным, а в последнее время видится и вовсе невозможным. По сравнению с 1913 годом посевная площадь зерновых культур сократилась в два с лишним раза, а чайных и виноградных насаждений возросла почти в четыре раза. При этом поголовье крупного рогатого скота, а также коз и свиней возросло всего на 25%. А в это время потребление мяса в республике составляет 70% среднесоюзного уровня, который отстает от потребления мяса в развитых странах примерно в 2 раза.

В промышленности, которая развивалась под флагом отраслевого рационализма, произошло становление такой ее структуры, когда первичная обработка природных богатств и строительство предприятий под частично имеющиеся ресурсы превратило ее в экономический придаток, не способный существовать без сложившихся связей. Сегодня Грузия в значительной степени представляет собой не органичное целое, а набор предприятий, зачастую не имеющих между собой даже тех связей, которые в принципе возможны.

Все это было бы относительно меньшей бедой, если бы факторы, определявшие экономическое значение Грузии в прошлом, в полной мере сохранили свое значение и сегодня. Но такая оценка в значительной степени была бы поверхностной. В первую очередь следует отметить, что в значительной степени выработаны залежи марганца и ухудшилось его качество, так что для производства сплавов уже сегодня приходится импортировать за валюту первой категории высококачественную руду. Не менее важно тяжелое положение в топливно-энергетическом комплексе Грузии, которое определяется недостатком нефти, ограниченной добычей и невысоким качест-

вом угля и проблемами, которые возникают в связи с развитием гидроэнергетики.

Взоры общественности в современной ситуации с надеждой обращаются в сторону сельского хозяйства, а именно к продуктам сельскохозяйственной специализации Грузии.

Государственные закупки чая в 1987 году составили почти 595 тыс. тонн. Можно представить себе его качество, если эта величина составляет более 40% его производства во всех странах мирового капиталистического хозяйства.

Может показаться, что чай и вино обладают для Грузии исключительной внешнеэкономической привлекательностью, так как способны принести порядка 700 млн. долларов в год, но следует иметь в виду, что, во-первых, производить конкурентноспособную продукцию в столь больших размерах Грузия не в состоянии, а, во-вторых, мировой рынок столь значительное дополнительное предложение указанных товаров вряд ли в силах усвоить. Указанные продукты экспортировались в основном в бывшие социалистические страны.

При допущении, что 70% продукции может быть конкурентноспособной и найдет сбыт на мировом рынке, объем производства на одного занятого составит около 900 долларов в год. Это соответствует уровню произведенного (в расчете на одного занятого) сельским хозяйством валового внутреннего продукта в таких странах, как Тунис, Алжир, Марокко. А ведь у нас высказывается надежда, что экспорт чая и вина должен стать чуть ли не основой удовлетворения потребности населения в тех продуктах, которые не производятся в Грузии в достаточном количестве, и экономического подъема вообще.

Таким образом, исходя из всего вышесказанного, вполне оправданным будет сказать, что в ходе своего развития Грузия, утратив бывшее экономическое значение, не смогла вовремя «пересесть на свежего коня». Разумеется, сказанное справедливо лишь в том случае, если само существование этого «свежего коня» было реальностью. Думается, отрицать саму возможность динамичной перестройки народного хозяйства Грузии с целью поддержания и повышения ее экономической значимости было бы оскорблением для ее народа. Да и разве только Грузия потеряла темп и нерационально расходовала свой потенциал, находясь в рамках экономической системы СССР.

Чтобы не быть голословным в обвинении экономической системы СССР в нерациональном развитии Грузии, приведем одно сравнение. В условиях сложившегося положения в под-

чинении органов управления республики находилось не более 9% промышленных предприятий. Остальная часть промышленности находилась, да и сейчас еще находится в подчинении союзных и союзно-республиканских министерств, что практически одно и то же. В этих условиях львиная доля прибыли собиралась в центре в виде отчислений в централизованные фонды и в государственный бюджет — отсюда же распределялась по союзным республикам и предприятиям чуть ли не в виде благоденствий.

Все относительно — гласит великая истина. Поэтому небезынтересно было бы узнать, какими могли быть условия развития Грузии вне рамок централизованно управляемого единого народнохозяйственного комплекса. Возьмем к примеру условия функционирования кампании марганцевых руд, железнодорожной кампании Чиатура и кампании по эксплуатации порта Потти, создание которых предлагалось Германией в 1918 году. Указанные кампании создавались за счет равных вложений Германии и Грузии, предполагалось, что половину чистой прибыли за вычетом 10% будет получать Грузия, кроме того, предполагалось оставление в Грузии сборов за добычу марганца, а также других продуктов, перевозку и перегрузку. Помимо этого предполагалось, что по прошествии определенного времени (30—60 лет) все имущество указанных кампаний переходит в собственность Грузинского государства.

Это последнее обстоятельство играет в контексте современных дискуссий об экономической самостоятельности союзных республик особую роль. Ведь чуть ли не единственным аргументом противников передачи имущества в собственность республик является тот факт, что в его создание вложены общие средства. Разумеется, в такой позиции можно найти резон, но при этом она предстает в крайне неприглядном свете. Да будь вложенные средства не общими, а к примеру собственностью РСФСР. Как понимать принципиальный отказ признания передачи имущества в собственность по конституции суверенных государств, если даже «империалисты» предполагали передачу в собственность Грузии имущества, созданного за счет их средств. Принципиально важно, что предполагалась безвозмездная передача имущества. На этом фоне то, что даже ряд демократически настроенных представителей центра, которые признают возможность существования республиканской собственности, ведут речь о выкупе республиками предприятий, может вызвать однозначное отношение. Оно тем более оправдано потому, что средства, за счет которых создано имущество, являются действительно общими, а это значит, что часть их принадлежала Грузии.

Таким образом, можно констатировать, что экономика Грузии не представляет собой замкнутой системы, неспособна существовать без внешних связей. Вместе с тем, стремясь к соз-

данию собственного народнохозяйственного комплекса, надо отдавать себе отчет в том, что соорудить замкнутую экономику сколько-нибудь приличного уровня нам не удастся. Таким образом, все обвинения в стремлении к автаркии беспочвенны.

Другой вопрос, что необходимо пересмотреть характер, а в ряде случаев структуру и направления связей экономики Грузии с союзными республиками и зарубежными государствами. Думается, этот факт не должен вызывать удивления, ибо то, что существующая в условиях единого народнохозяйственного комплекса СССР система связей, по крайней мере, не самая привлекательная для Грузии и не самая эффективная для СССР, не требует особого доказательства.

Каковы же критерии оптимизации внешних связей экономики Грузии? Во-первых, внешние связи должны быть организованы в соответствии с интересами воспроизводства государственности Грузии, и, во-вторых, они должны строиться, исходя из достижения максимума экономической выгоды. Необходимость соответствия системы внешних связей первому критерию настолько очевидна, что не требует обоснования. Что касается второго, то он гласно или негласно ставится под сомнение, когда речь ведется об интересах развития и укрепления единого народнохозяйственного комплекса СССР. Вместе с тем признается, что с формированием рынка и переходом к конвертируемой валюте каждый субъект экономической жизни сможет самостоятельно решать, покупать ли ему нефть в Тюмени или в Иране, а хлопок — в Узбекистане или в другом месте.

Различия в подходах, таким образом, касаются выбора пути движения к состоянию, которое основывается на приоритете экономической целесообразности. Один подход предполагает, что этот путь все союзные республики должны пройти строем и так, как им укажет командир. Согласно другой позиции, каждый не только имеет право проявить инициативу в поиске кратчайшего пути, но в случае успеха может указать на него и другим.

В связи с этими позициями невольно припоминается известная притча о пучке стрел, который невозможно переломать, в то время как каждая в отдельности ломается без особых усилий. Вместе с тем, если стрелы не ломать, а использовать их по назначению, ясно, что, выстрелив пучком, в цель никак не попасть. Если ломать нас никто не собирается, а для такой предпосылки дает нам все основания политика нового мышления, значит актуальна задача попадания в цель.

Заканчивая разговор на эту тему, хотелось бы сказать, что ситуация в СССР непростая. Для успеха политики перестройки и нового мышления в самом широком смысле, необходимо достигнуть того, чтобы все демократические силы действовали параллельно. Такое положение может быть достигнуто с

учетом выдвижения на передний план национального фактора лишь при условии предоставления союзным республикам, по крайней мере требующим этого, полного суверенитета. Другой альтернативы нет — либо полный суверенитет союзных республик, либо политическая смерть процессов перестройки и демократизации, возврат к казарменному коммунизму с его неинквизиционными процессами и в перспективе и крах политики нового мышления, ведущий к скатыванию к мировой конфронтации. Не будем политическими ханжами и оставим вопрос об исторической дружбе и братстве народов, в доказательство которых, как впрочем и в подтверждение весьма неприглядных действий, можно привести немало фактов. Скажем прямо, что интересы СССР в Грузии — это в преобладающей степени интересы России, которые отнюдь не исчерпываются ввозом — вывозом продукции, экономически благоприятным месторасположением и вообще сферой экономической деятельности. В определенной и весьма значительной степени интересы России и Грузии могут совпадать, но из-за бытовавшего централизма, оттеснения республики от решения вопроса о собственных интересах, мы имеем о степени такого совпадения весьма туманное представление, располагающее к крайностям в оценках. Однако в любом случае остается часть проблем, по которым интересы совпадать не будут. И в этом случае занятие непримиримой позиции было бы неоправдано, так как не привело бы к положительным результатам в долгосрочном аспекте. Что дает нам повод для такой формулировки? Историческая параллель. В 1918 году были подписаны дополнительные договоры к «Брестскому миру», которые предусматривали создание независимых государств, называемых сейчас «Республиками Советской Прибалтики». Вот что писала тогда по этому поводу немецкая пресса: «Если Брестский мирный договор и раньше представлял собой угрозу интересам немецкого народа, то к его теперешнему усиленному варианту это относится еще в большей степени... новые соглашения представляют собой угрозу не только для достижения мира, но и для его сохранения в будущем... мы не верим в возможность достижения прочных мирных и дружественных отношений между немецким и русским народами в результате мирного договора, который продвигает немецкую сферу влияния вплоть до ворот Петербурга и который снова отбрасывает русское государство, боровшееся более 100 лет назад за выход к Балтийскому морю, на положение континентального государства... последующее правительство России лишь с крайним неудовольствием смирится с положением арендатора на Балтийском море, где оно имело в прошлом права хозяина»². Комментарии, как говорится, излишни.

² Форвертс. 30 августа 1918 г. (на нем. языке).

Перспективы Грузии в Европе того времени виделись в гораздо более радужном свете, чем будущее Литвы, Эстонии и Латвии, так как восстановление ее государственности произошло при условиях, когда были соблюдены даже выдвинутые Советским правительством условия самоопределения — сформировалось по сути дела социалистическое государство. Однако даже это не предохранило Грузию от события 25 февраля 1921 года.

Разумеется, сегодня условия и внутри СССР, и в мире не такие, как 70 лет назад. Но как бы они не изменились, есть реалии, которые сохраняют свое существование на протяжении долгих периодов, и пока они есть, их нельзя не учитывать.

3. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА «РЕАЛЬНОГО СОЦИАЛИЗМА» И ПУТИ ЕЕ ПЕРЕСТРОЙКИ

3. 1. ЗЛОБОДНЕВНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

К настоящему времени появилось множество публикаций (в основном публицистического характера), в которых делается попытка как-то оценить социально-экономическую природу того общества, которое построено в нашей и в некоторых других странах. Можно считать утвердившимися приводимые в этих публикациях следующие определения, относящиеся к нашему обществу: «административно-командный социализм», «тоталитарный социализм», «государственно-бюрократический социализм», «казарменный социализм» и т. п.

Необходимость в обобщающих оценках нашей экономической системы вызвана, на наш взгляд, по крайней мере следующими двумя причинами.

Первая причина состоит в том, чтобы уяснить, насколько вышеперечисленные определения нашего общества способны дать ответы на вопросы в основном идеологического характера, нерешенность которых вселяет немалые сомнения в умы наших соотечественников: в частности, все чаще раздаются вопросы, действительно ли может социализм в экономическом соревновании победить капитализм, и возможно ли при социализме создать высшую по сравнению с капитализмом производительность труда? и т. п. Ход логических рассуждений прост: если у нас все-таки построен социализм (хотя и с далеко не положительными эпитетами), то почему мы несколько не продвинулись вперед в решении этих вопросов? Более того, прочно утверждаемая в СССР гласность всем нам дала понять, что по многим параметрам социального развития мы стоим в одном ряду с развивающимися странами.

Ссылки только на войны, разруху и восстановление, на засухи и другие стихийные бедствия сегодня мало кого удовлетворяют, ибо уже давно не секрет, что эти беды в той или иной

степени характерны для многих развитых стран мира. Таким образом, встает вопрос принципиального характера: насколько были правы классики марксизма-ленинизма при определении исторического места капитализма, при обосновании преимуществ социализма перед капитализмом и т. д.

Вновь возвращаясь к уже упомянутым определениям нашего общества, отметим, что в них подчеркивается чрезмерная централизация системы общественного управления, особо доминирующая роль в стране бюрократии (которая, кстати, имеется даже в самых развитых странах мира, но она там все же не так пагубна, как у нас), полностью «завладевшей» государством.

В своей статье Я. Корнан делает одно замечание, которое вполне распространимо на настоящую работу, в частности он пишет: «Здесь и далее мы не обсуждаем отдельно роль партии. Партия функционирует в тесном переплетении с государственными органами, являясь доминирующей силой. Повсюду в этой статье такими понятиями, как «государство», «правительство» и «бюрократия», охватывают также учреждения партии»¹. Очевидно, такова и оценка профсоюзов, «...ставших вместо организаций защиты рядовых работников и их участия в управлении адвокатами администрации»².

Обращение только к этим негативным сторонам общественного устройства для объяснения причин, почему социализму практически ни в одной стране не удалось на деле проявить свои теоретически описанные преимущества перед капитализмом, по всей видимости, неправомерно: исторический опыт свидетельствует, что в целом независимо от того, в какой форме реализовался тот или иной способ производства, ему всегда удавалось фактически доказать свои преимущества перед всеми предыдущими способами производства.

Второй причиной необходимости обобщающих оценок экономической системы нашего общества является осмысление преобразований, которые проводятся в нашей экономике. В частности, речь идет о таких обсуждаемых в самых различных кругах вопросах, как создание рынка средств производства и рабочей силы, возможность реализации частной собственности, создание совместных с капиталистическими фирмами предприятий, создание акционерных обществ и т. п. Частью нашей общественности подобные преобразования воспринимаются как скрытая реставрация капитализма; для многих приставка определения «социалистический» к этим понятиям (например,

¹ Корнан Я. Личная свобода и реформа социалистической экономики. — Экономика и математические методы, 1989, т. XXV, вып. 3, с. 411.

² Сухотин Ю. В., Дементьев В. Е. К обновлению ориентиров экономической теории. — Экономика и математические методы, 1989, т. XXV, вып. 3, с. 400.

«социалистический рынок») представляется не более как игра слов для протаскивания в нашу действительность провозглашенных низвергнутыми более чем семьдесят лет тому назад атрибутов капиталистического способа производства. Некоторые приветствуют эти преобразования, а в других они вселяют страх потери тех социальных завоеваний, которые долгие годы представлялись достижениями исключительно нашего строя.

Встает вопрос и о понимании сути Перестройки, проводимой в СССР. Соглашаясь с утвердившимся ее пониманием как социальной революции, а не как реформирования отдельных частей существующей экономической, социальной и политической систем, следует признать, что если речь идет о замене «плохого» социализма на «хороший», то тем самым происходит определенная «девальвация» понятия «социальная революция», ибо для этой цели вполне достаточно осуществить отмеченное реформирование. Если же Перестройка — это все-таки социальная революция, то тогда следует определить, о замене какой экономической системы на более прогрессивную идет речь.

Для того, чтобы внести ясность во все эти вопросы, надо более четко определиться в обобщающих оценках нашей экономической системы.

3. 2. ХАРАКТЕР ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Нам представляется, что, рассматривая характер экономической системы СССР, необходимо выделить ее следующие основные признаки:

1. После Октября 1917 г. в стране закладывались основы народного хозяйства натурального типа. Из-за известного политического и идеологического противостояния со всем остальным миром практически были исключены какие-либо значительные внешнеэкономические взаимосвязи, вследствие чего народное хозяйство СССР должно было только своими собственными силами удовлетворять все свои потребности.

Натуральный характер народного хозяйства страны усугублялся по крайней мере двумя обстоятельствами. Во-первых, СССР на деле оказался не федеративным, а унитарным государством, когда союзные республики фактически оказались лишенными каких-либо реальных экономических прав, вследствие чего при межреспубликанских экономических взаимосвязях принцип эквивалентного обмена оказался излишним. Во-вторых, практически были игнорированы товарно-денежные

³ «Сложившаяся административно-хозяйственная система является практически унитарной. При сохранении товарно-денежных форм (купля-

отношения, рынок³ и, как следствие, большинство плановых показателей оказались натуральными, а обеспечение предприятий средствами производства стало возможным только на основе так называемого натурального фондируемого распределения.

После второй мировой войны, когда было публично признано становление мировой социалистической системы (объединяющей страны, также характеризующиеся той или иной степенью натурализации народного хозяйства), натуральный характер народного хозяйства СССР отчасти ослаб, но экономические взаимосвязи в рамках этой системы в основном формировались не столько экономическими, сколько политическими соображениями. Это в свою очередь вызвало частичное перенесение центра тяжести натурализации хозяйства в целом на всю мировую социалистическую систему.

Заметим, что несмотря на немалые усилия, установление рыночных отношений⁴, крушение экономической замкнутости происходят в борьбе со старыми стереотипами хозяйствования. В качестве примера обратимся к рекламируемому до недавнего времени так называемому «народному» автомобилю «Ока», массовый выпуск которого должен стать чуть ли не единственным источником удовлетворения внутрисоюзного спроса на легковые автомобили, что фактически исключает какую-либо реальную перспективу их импорта (что в новых условиях хозяйствования при внутрисоюзной конкуренции с зарубежными фирмами заставило бы советских производителей значительно повысить низкое в настоящее время качество отечественных легковых автомобилей). Рецидивы стремления к натуральному устройству хозяйства в какой-то степени характерны и для отдельных регионов СССР. Например, в результате работы специальной правительственной комиссии, созданной по причине массовой забастовки кузбасских шахтеров летом 1989 г., особо следует выделить решение в месячный срок «...рассмотреть вопрос о возможности передачи земель Ельцовского района Алтайского края, прилегающих к городам юга Кузбасса, с целью создания условий для увеличения производства сельхозпродукции для Кузбасса»⁵. Оставляя в стороне неэкономические аспекты этого вопроса, заметим, что вместо того,

продажа, деньги, цены, кредит и т. д.) регулирующий рыночный механизм в экономике отсутствовал кроме его рудиментов (личные подсобные хозяйства, колхозный рынок, теневые формы производства и обращения)» (Там же, с. 397).

⁴ По мнению Л. И. Абалкина, создание общесоюзного рынка средств производства предполагалось осуществить к концу тринадцатой пятилетки (Абалкин Л. Каким быть новому пятилетнему плану? — Коммунист, 1989, № 6, с. 12).

⁵ Кузнецкий рабочий, 1989, 1 августа.

чтобы наладить здоровые рыночные отношения между промышленностью и сельским хозяйством, данное решение направлено на осуществление курса натурализации народного хозяйства Кузбасса, что само по себе не решит продовольственную проблему ни данного региона, ни тем более всей страны. Таким образом, приходится констатировать, что в народном хозяйстве страны и по сей день сильны традиции натурального хозяйствования.

2. Сравнение наших средств производства со стандартами развитых стран мира явно не (и за редким исключением, никогда не было) в нашу пользу. Если не брать во внимание сферу освоения космоса и оборонную промышленность⁶, развитие которых стимулировали не столько экономические, сколько политические причины, можно заключить, что наша техника и технология производства в основном рутинная по сравнению со стандартными образцами развитых стран мира.

3. С первых дней установления Советской власти земля и все остальные основные средства производства были объявлены государственной собственностью. Кооперативно-колхозная форма собственности долгое время признавалась второстепенной и тоже находилась в подчинении государства⁷. Масовое переделывание в конце 50-х и в начале 60-х годов колхозов в совхозы, т. е. огосударствление кооперативно-колхозной собственности считалось прогрессивным шагом в деле обществления производства на пути строительства коммунизма.

Практически полная и всесторонняя концентрация основных средств производства в руках государства способствовала созданию «максимального государства», которое есть не что иное как «предельно возможный уровень бюрократической власти, осуществимость которого зависит от практических условий для усиления централизации» и, что «...соответствует полному государственному контролю над всеми сферами экономики, такому, при котором нет места частной инициативе или частному выбору»⁸.

⁶ Оценка советскими военными специалистами технических причин гибели в апреле 1989 года атомной подводной лодки «Комсомолец» дает повод усомниться (хотя бы отчасти) и в особых достижениях нашей оборонной промышленности.

⁷ Вполне распространено и на СССР замечание Я. Корнани, что «в Венгрии существуют кооперативы, особенно в сельском хозяйстве..., однако они выросли не из настоящего, добровольного кооперативного движения. По своему характеру они мало отличались от аналогичных предприятий в государственном секторе: их руководители всегда назначались государственной бюрократией, и они должны были выполнять обязательные плановые задания» (Корнани Я. Личная свобода и реформа социалистической экономики, с. 413).

⁸ Там же, с. 411.

4. Используя силу политической власти, государство путем полной централизации управления экономикой поставило трудящихся в личную зависимость, что выразилось в неэкономическом принуждении к труду, сопровождающемуся особыми формами эксплуатации человека человеком⁹.

По справедливому замечанию А. Бутенко, при ликвидации у нас капиталистических форм эксплуатации человека человеком было сохранено угнетение человека человеком (т. е. присвоение воли одного человека другим). А это в свою очередь обусловило появление новых форм эксплуатации, конкретная характеристика которых автором не дана¹⁰.

Согласно нашим утвердившимся представлениям о частной собственности считается, что ее основным злом является то, что она выступает в качестве единственной причины и средства эксплуатации человека человеком. Исходя из этого делалось заключение, что вместе с уничтожением частной собственности и утверждением ее антипода — общественной, уничтожается и эксплуатация. Действительно, с установлением общественной собственности был упразднен институт найма труда, что, условно говоря, является открытой, непосредственной формой эксплуатации, когда рабочий явно уступает капиталисту часть результатов своего труда. Но общественная собственность все-таки не смогла полностью устранить эксплуатацию, проявилась ее скрытая, опосредованная форма.

Сегодня уже общепризнано, что форма общественной собственности в виде государственной, т. е. общенародной (когда собственником средств производства формально объявлялись все трудящиеся), которая на протяжении чуть ли не всей истории СССР считалась основной формой собственности, привела нас к тому, что средства производства оказались фактически ничьей собственностью. Обезличение собственности на средства производства и концентрация экономической власти в государственном аппарате создали реальные возможности прежде всего для его работников при случае использовать служебное положение в корыстных целях. По мере адаптации к данной постоянно воспроизводящейся ситуации эти лица в той или иной степени реализовывали служебные права для получения нетрудовых доходов. Считается, что они «воруют у государства»; суть вопроса на поверхности выглядит именно так, ибо средства производства являются государственной собственностью. В действительности они воруют не у государства, а осуществляют скрытую, опосредствованную эксплуатацию трудящихся, и вот почему.

⁹ Папава В. Будущее за нами. — Ахалгазда Комунисти, 1989, 27 июня.

¹⁰ Бутенко А. Каким быть социализму? — Правда, 1989, 8 августа.

Нетрудовые доходы могут выступать в двух формах: денежной и натуральной (предметы потребления, обслуживание, путевки в санатории и дома отдыха, зарубежные поездки и т. п.).

При денежной форме нетрудовых доходов то, что их владельцы получили незаслуженно, якобы уворовав у государства, это всего лишь денежные знаки, которые сами по себе никакой ценности не имеют. Их сила проявляется на рынке (точнее на подпольном рынке, одной из причин существования которого является денежная форма нетрудовых доходов, незаконный характер которых в значительной степени ограничивает легальные возможности их реализации), так как из-за отсутствия соответствующего материально-вещественного эквивалента нарушается равновесие между массой денег и противопоставленной ей массой товаров в пользу роста первой; это обуславливает повышение цен и тем самым обеспечивает держателей «нетрудовых денег» возможностью присваивать себе часть продукции и услуг, созданных чужим трудом. А это не что иное, как эксплуатация человека человеком по Марксу.

При натуральной форме нетрудовых доходов механизм эксплуатации значительно упрощен, ибо в нем отсутствует необходимость денежного оборота, отоваривания «нетрудовых денег». Вся масса самых различных потребительских благ (за исключением общественных фондов потребления) должна распределяться согласно официально провозглашенному у нас принципу «каждому — по труду». Присвоение части из этой массы потребительских благ при отсутствии соответствующих трудовых затрат означает присвоение результатов чужого труда, эксплуатацию по Марксу.

Существенную часть нетрудовых доходов преимущественно в натуральной форме присваивают и некоторые слои общества, непосредственно не занятые в органах государственного управления, но имеющие непосредственный доступ к материальным ценностям, «власть» над ними. В этих условиях особенно страдают те, которым не только совесть не позволяет, но у которых нет никакой возможности получения нетрудовых доходов, т. е. прежде всего, у основной массы интеллигенции.

Не все нетрудовые доходы одновременно признаются официально незаконными. Часть из них, а это прежде всего нетрудовые доходы в натуральной форме, закреплены за той или иной должностью официально, хотя и не имеют под собой должного трудового эквивалента. Надо полагать, что именно официальное признание нетрудовых доходов в натуральной форме и объясняет, что она в СССР исторически предшествовала нетрудовым доходам в денежной форме и по сей день является более стабильной и практически безопасной.

Любой марксист экономику, обладающую приведенными четырьмя основными признаками (натуральное хозяйство, рутинность техники и технологии, сосредоточение земли и других основных средств производства в руках одного собственника, неэкономическое принуждение к труду, угнетение человека человеком при наличии натуральных форм присвоения), оценит как феодальную. В наших условиях в роли феодала выступает государство, которое и монополизировало собственность на землю и другие основные средства производства. Таким образом, как ни печально, надо признать, что экономическая система СССР являет собой тип государственно-монополистического феодализма.

Особенно рельефно «государственно-монополюльно-феодальный тип хозяйствования» проявляется в теневой экономике, когда ее деятели «...персонифицировали фактически средневековые экономические отношения (показатель, в частности, пресловутое «хлопковое» дело), культивируя вассально-крепостную зависимость нижестоящих членов клана и рядовых исполнителей...» и когда это «...преступное сообщество сильно не только внутренней хозяйственной монолитностью, но и прочными связями с официальными институтами власти»¹¹. Поддерживая данную мысль, подчеркнем, что не следует очерчивать лишь рамками теневой экономики экономическую систему типа государственно-монополистического феодализма, ибо, как было показано выше, этот тип экономики является господствующим во всем нашем обществе.

Данное решение проблемы позволяет без особого труда ответить на вышепоставленные злободневные вопросы теории, ибо феодальная экономика, прежде всего, как доказано самой историей, не обладает никакими преимуществами по сравнению с капиталистической, и поэтому СССР совместно с другими странами, имеющими аналогичную экономическую систему, принципиально не мог победить в экономическом соревновании капиталистические страны.

Архаичные возможности и побудительные мотивы экономики феодального характера активно препятствуют внедрению всего нового, прогрессивного; основной принцип ведения данной экономики зиждется на затратном механизме хозяйствования, а основной тип общественного воспроизводства — экстенсивный.

В условиях функционирования экономики феодального характера человек — это прежде всего составная часть производительных сил и, как следствие, не экономикой должна «работать» на человека, а наоборот, человек — на экономику. А это, в свою очередь, порождает остаточный принцип затрат

¹¹ Осипенко О. «Теневая экономика»: попытка политико-экономического анализа. — Экономические науки, 1989, № 8, с. 47.

для удовлетворения потребностей каждого конкретного человека, для его развития. Именно феодальный характер экономики предопределил то, что по многим параметрам социального развития СССР оказался в одном ряду с развивающимися странами.

Экономическая система государственно-монополистического феодализма характеризуется всеми теми атрибутами, которые присущи вообще феодальному хозяйству. Это и особое положение помещика, и институт управляющих, и бесправность трудящихся, обусловленная институтом угнетения человека человеком.

Феодальный принцип устройства хозяйства предполагает, что во главе его должен быть человек, которого основная масса народа считает наделенным особой мудростью и дальновидностью, и вообще идеальным во всех отношениях. Именно поэтому во всех странах с экономической системой государственно-монополистического феодализма во главе этой страны обязательно должен быть вождь (культ личности). Так что, например, феномен вождей имеет глубокие корни, уходящие в ее экономическую систему. Как и следовало ожидать, «потребность» в вожде (характерная для народов с низкой культурой) более рельефно реализовалась в тех странах, где была достигнута особая чистота данной экономической системы.

Осуществление руководства феодальным хозяйством невозможно без института управляющих. Экономическая система государственно-монополистического феодализма из-за чрезмерной концентрации собственности и централизации власти формирует особо сложную и разветвленную систему управляющих, т. е. то, что у нас именуется административно-бюрократическим аппаратом управления.

Бесправие и личная зависимость от государства-феодала могут вылиться в массовые репрессии как в отношении отдельных лиц, так и целых народов по разумению (и прихоти) высшего руководства во имя «достижения» наивысших целей. Решение судеб людей находится в ведении государства-феодала.

Для полноты характеристики рассматриваемой экономической системы надо коснуться и вопроса о социальных гарантиях, которые может обеспечить эта система. Во многом разделяя оценки по поводу этих гарантий, основанных на ценностях уравнилельного, пассивно-исполнительского характера, которые даны Я. Корнаи¹², приведем некоторые дополнительные соображения.

Чуть ли не до последнего времени особыми социальными достижениями СССР (да и стран с аналогичным общественным строем) считались, например, бесплатные образование

¹² Корнаи Я. Указ. соч.

и медицинская помощь. Сегодня, как выяснилось, данными социальными благами, оказывается, могут пользоваться и в капиталистических странах. При этом они из своего национального дохода расходуют на эти цели в среднем в два раза больше, чем у нас. Относительно высокий уровень реализации необходимых социальных гарантий даст возможность, например, шведам заявить, что в их монархическом государстве построен так называемый «шведский социализм».

Пример со Швецией (а также с другими развитыми капиталистическими странами) говорит о зависимости социальных гарантий от уровня экономического развития страны.

Экономическая система государственно-монополистического феодализма в корне не способна обеспечить высокий уровень экономического развития. Самым наглядным примером наших «достижений» является официально обнародованная бедность более 40 миллионов сограждан СССР, которые владят жалкое существование за чертой прожиточного минимума.

Таким образом, нам прежде всего необходимо так преобразовать, перестроить нашу экономическую систему, чтобы через достижение относительно высокого уровня экономического развития построить общество, обеспеченное гарантиями социального равенства и справедливости.

Признание того, что экономическая система СССР относится к типу государственно-монополистического феодализма, наводит на мысль о необходимости хотя бы отчасти пересмотреть наше отношение к теневой экономике в соответствии с тем, в каком соотношении друг с другом находятся экономические системы феодализма и капитализма.

3. 3. О КОНЦЕПЦИИ ПЕРЕСТРОЙКИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Перестройка нашей экономической системы, или, иначе говоря, выход за рамки экономической системы государственно-монополистического феодализма упирается в следующие преобразования ее основ: окончательный переход от натурального устройства народного хозяйства к рыночным принципам хозяйствования, децентрализация государственной собственности, полная замена неэкономического принуждения экономической заинтересованностью трудом. А эти преобразования в конечном счете приведут к значительному развитию и техники и технологии производства.

Самым главным из этих преобразований является децентрализация государственной собственности. Многими специалистами с различной степенью обоснованности высказывается мысль о необходимости наряду с государственной собственностью реализовать и коллективную и индивидуальную собственность, проявляющиеся в самых разнообразных формах.

На фоне популярности идеи плюрализма форм собствен-

ности несколько обособленной выглядит мысль о том, что для оздоровления экономики достаточно демократически обновить, активизировать общенародную собственность и отказаться от остальных (необщенародных) форм собственности, ибо, исходя из сложившихся в нашей стране конкретно-исторических условий, отсутствует, например, широкий мелкотоварный уклад, а колхозно-кооперативный сектор является оказаненным¹³.

Заметим, что данная мысль сильно напоминает о нашем печальном опыте строительства общества, не имеющего аналога в мире. Да и вряд ли стоит надеяться на истинно демократическое обновление, активизацию общенародной собственности без экономического соперничества с ней коллективной и частной собственности. Что же касается широкого мелкотоварного уклада, то он отсутствует лишь формально и если не предпринять какие-либо усилия для его легализации, то официально его не будет никогда; как показывает опыт экономически развитых стран мира, мелкотоварное производство имеет вполне определенное место в их экономических системах, и при этом вовсе нет никакой необходимости в наличии его в особо широких масштабах.

Если по поводу разнообразия форм собственности и возникают сомнения, то это прежде всего касается приемлемости частной собственности в нашей стране. Главная причина неприязни к ней, как уже отмечали, исходит из марксистской догмы, что только частная собственность является единственной причиной и средством такого зла, как эксплуатация человека человеком. Выше мы постарались показать, что и при общенародной собственности на средства производства может иметь место эксплуатация. Не исключает ее и коллективная форма собственности, ибо владельцами соответствующего предприятия непосредственно присваивается хотя бы небольшая часть прибавочного продукта, созданного наемным трудом, т. е. трудом тех работников данного предприятия, которые не имеют своей доли в этой собственности.

Что же касается отношения к эксплуатации человека человеком по Марксу исключительно как ко злу, то опять-таки, обращаясь к мировому опыту, следует констатировать, что страшна не сама эксплуатация, а относительно высокая ее норма при скудности реального содержания необходимого продукта. Здесь же заметим, что, по нашему мнению, если оставить в стороне фантастические размышления об идеальном обществе далекого будущего, то, по всей вероятности, вряд ли возможно, по крайней мере в обозримом будущем, построить общество, где полностью была бы исключена эксплуатация человека человеком. Поэтому при любой форме соб-

¹³ Сухотин Ю. В., Дементьев В. Е. К обновлению ориентиров экономической теории, с. 402—403.

ственности на средства производства наше государство должно взять на себя бремя постоянной заботы об установлении общественно приемлемой нормы эксплуатации и развития реального содержания необходимого продукта.

Несмотря на широкое обсуждение ряда актуальных проблем перестройки, периодически даже на самых высоких уровнях высказывается озабоченность, что до сих пор еще не разработана ее концепция.

По нашему мнению, в сфере экономики концепция перестройки (т. е. концепция перестройки нашей экономической системы) уже существует, но вместо делового ее обсуждения органы массовой информации совместно с некоторыми научными журналами занимались ее последовательным преследованием. В частности, мы имеем в виду документы, определяющие экономическую самостоятельность балтийских союзных республик, основополагающие принципы которой, отдавая дань первопроходцам, условно назовем «эстонской моделью экономики».

Эстонская модель экономики практически охватывает весь спектр направлений перестройки нашей экономической системы, а в частности, повсеместный переход на рыночные принципы хозяйствования, децентрализацию государственной собственности и плюрализм ее форм, реализацию основ исключительно экономической заинтересованности в труде.

Для освобождения от пут феодального устройства экономики необходимо каждой союзной республике реализовать у себя эстонскую модель экономики, обеспечивающую их экономическую самостоятельность.

4. ПРЕИМУЩЕСТВА ЭСТОНСКОЙ МОДЕЛИ ЭКОНОМИКИ

Для того чтобы как следует разобраться в концепции перестройки экономики, необходимо рассмотреть все основные стороны эстонской модели экономики.

4. 1. ТОЧКА ОТСЧЕТА

Для правильного решения вопроса об экономической самостоятельности союзных республик, надо исходить из соответствующей точки отсчета. Очевидно, такой является конституционно признанная суверенная государственность союзных республик, объединенных по замыслу на равноправных началах в СССР. Исходными принципами, реализующими экономическую самостоятельность союзных республик, является принцип «сильные республики — выгодный союз».

Для достижения экономической самостоятельности союзных республик, каждая из них с учетом опыта друг друга должна сама определить, что необходимо для увеличения своей экономической мощи, в соответствии с чем и должны формироваться обеспечивающие эту мощь производственно-экономические и научно-технические взаимосвязи между союзными республиками. Только таким путем может быть достигнут «выгодный союз». Подчеркнем, что объединение «сильных республик» в «выгодный союз» это не разовый акт, а непрерывный процесс, который подразумевает постоянное развитие взаимосвязей между союзными республиками для обеспечения непрерывного роста их экономической мощи.

По нашему (хотя, очевидно, не только по нашему) мнению, наиболее совершенным документом, отражающим экономическую самостоятельность союзных республик, является многим хорошо известная эстонская модель экономики (аналогичные ей модели, как уже отметили, разработаны и в других Балтийских и союзных республиках). Следовательно, если речь идет о действительной экономической самостоятельности союзных республик, то нет никакой необходимости заново «изобретать велосипед», а надо каждой из них, исходя из специфических особенностей положения своего социально-экономического и культурного развития, и с учетом национально-исторических традиций и природных условий, «довести» для себя эстонскую модель экономики.

Опасения некоторых союзных республик (прежде всего Среднеазиатских) по поводу того, что они не способны использовать опыт Балтийских республик, из-за отставания в экономическом развитии, беспочвенны. Эстонская модель экономики — это прежде всего механизм оздоровления экономики, создание условий для ее развития, и он практически не только одинаково приемлем для всех союзных республик, но и более необходим для экономически слаборазвитых.

Нельзя согласиться и с мнением, что в настоящих условиях (в которые поставлены все союзные республики) возможен и вообще необходим определенный подготовительный период, во время которого можно будет проводить действенные мероприятия для оздоровления экономики союзных республик. Основание для подобного заключения дает сама хозяйственно-экономическая практика: разве какая-либо союзная республика когда-нибудь не хотела, чтобы ее экономика была сильной? Но давали ли существующие условия такую возможность?

Реализация эстонской модели экономики даст возможность каждой союзной республике, исходя из насущных интересов проживающих на ее территории людей, проводить соответствующую экологическую, демографическую и кадровую политику и в соответствии с этими интересами коренным образом перестроить механизмы ценообразования и оплаты труда.

4. 2. ХОЗРАСЧЕТ И СОБСТВЕННОСТЬ

При рассмотрении эстонской модели экономики необходимо остановиться на одном очень важном вопросе, который на первый взгляд может показаться вопросом исключительно из разряда терминологических. В частности, речь идет о применении термина «хозяйственный расчет» по отношению к проблеме экономической самостоятельности союзных республик, как это делают прежде всего наши эстонские (и не только они) коллеги.

Классическое понимание хозяйственного расчета как метода планового ведения социалистического хозяйства, основанного на возмещении расходов собственными доходами, а также обеспечивающего рентабельность производства и материальную заинтересованность и ответственность в использовании ресурсов, применяется по отношению к основному звену народного хозяйства — предприятию. Для того чтобы оценить, насколько правомерно распространение понятия хозяйственного расчета для региона, надо остановиться на некоторых моментах.

Прежде всего: если бы региону в полном объеме вменить все атрибуты этого понятия, то предприятие как элемент региональной производственно-экономической системы в лучшем случае сможет функционировать лишь на основе внутрипроизводственного хозяйственного расчета и, как бы там ни было, потеряет и те элементы хозяйственной самостоятельности, за расширение которой в настоящее время ратуют практически все. Также заметим, что далеко не каждый регион, исходя из специфики отраслевой структуры расположенного на его территории производства (например, при отсутствии крупного промышленного производства), сможет в полной мере возместить расходы исключительно собственными доходами.

С другой стороны, сама жизнь на повестку дня поставила насущный вопрос о необходимости придать региональным органам управления определенную свободу в принятии социально-экономических решений и ответственность за их осуществление. Если к тому же учесть, что данные «акты» должны быть подкреплены собственными материально-финансовыми ресурсами, то можно признать, что все это, вместе взятое, в какой-то степени напоминает некоторые стороны хозяйствен-

ного расчета в его классическом понимании. С целью исключения нежелательных ассоциаций возможно было бы предпочтительнее вместо утвердившегося «региональный хозяйственный расчет» искать другой термин, но, наверное, этого делать все же не стоит, так как, по всей вероятности, это приведет также к нежелательным терминологическим дебрям.

Так или иначе, всегда надо помнить, что «региональный хозяйственный расчет» — это самостоятельный термин для обозначения способа рационального ведения хозяйства региона на основе принципов самоуправления и самофинансирования наличными финансовыми средствами. Но при использовании термина «региональный хозяйственный расчет» необходимо уточнить, о каких конкретно регионах может идти речь, а точнее, насколько оправдано его употребление к союзной республике.

Если верить энциклопедии по политической экономии (а причины сомнения по рассматриваемому вопросу нам неизвестны), то хозяйственный расчет — это «система экономических отношений, возникающих в процессе индивидуального воспроизводства, происходящего в условиях общественной собственности на средства производства»¹. Следовательно, хозяйственный расчет как система экономических отношений характерен для индивидуального функционера — хозяйственника, который в то же время не является собственником. Именно поэтому рассматриваемый термин не употребляется, например, по отношению к капиталистическому предпринятию (являющемуся собственником сконцентрированных в нем средств производства), либо по отношению к суверенному государству.

Только в том случае оправдано применение термина «хозяйственный расчет» по отношению к союзным республикам, если признать, что они не являются собственником своего национального богатства, что само по себе противоречит понятию их суверенной государственности.

Таким образом, термин «региональный хозяйственный расчет» приемлем для любых административно-территориальных единиц СССР, кроме союзных республик. Следовательно, при использовании термина «хозяйственный расчет» по отношению к Эстонии наши эстонские коллеги, по всей вероятности, руководствовались прежде всего политическими, нежели научно-экономическими соображениями, чтобы не «раздражать» Центр.

Для того чтобы экономическая самостоятельность союзных республик не оставалась фикцией, надо, не откладывая в долгий ящик, решать вопрос о государственной собственности

¹ Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. Т. 4. М.: Советская энциклопедия, 1980, с. 352.

союзных республик; в частности, прежде всего надо объявить (а не передать) их собственностью находящиеся на их территориях природные богатства и некоторые другие существенные элементы национального богатства.

4. 3. О БЮРОКРАТИИ И ПЕРЕСТРОЙКЕ ОТРАСЛЕВОЙ СТРУКТУРЫ

Противники признания за союзными республиками реальных прав, характерных для суверенных государств, свою позицию, как правило, обосновывают тем, что в этом случае на смену диктата сильной бюрократии Центра придет диктат сильной бюрократии союзных республик и что это ничего положительного не даст для развития экономики самих же этих республик. Если все расположенные на территории последних предприятия передать в их подчинение таким образом, чтобы при этом на уровне республики полностью копировать аппарат общесоюзных органов управления, то и вправду могут показаться справедливыми соображения оппозиционеров суверенитета союзных республик.

По нашему мнению, решение данного вопроса не может быть однозначным для всех союзных республик; в каждой из них к нему надо подходить дифференцированно. В частности, для такой крупной союзной республики, как РСФСР, смена диктата общесоюзной бюрократии республиканской вряд ли что-нибудь могла изменить к лучшему, а для таких маленьких союзных республик, какими являются Эстония, Республика Грузия или ССР Молдова, можно ожидать вполне реальный, хотя и небольшой эффект, так как в этом случае республиканский аппарат управления окажется значительно ближе не только к непосредственным производителям (из-за относительно небольшого количества), но и вообще к народу, вследствие чего, с одной стороны, он (этот аппарат) будет лучше знать трудности каждого предприятия, их возможности и пожелания, а с другой — более действенным окажется контроль со стороны народа.

Копирование с аппарата общесоюзного управления на уровень союзных республик для обеспечения их экономической самостоятельности является всего лишь теоретической гипотезой и притом неприемлемой, несмотря на то, что для маленьких республик это может дать хоть какой-то положительный эффект.

Эстонская модель экономики, которая, повторим, является моделью реализации настоящей экономической самостоятельности, предполагает полную хозяйственно-экономическую свободу предприятий, что коренным образом меняет роль, функции и структуру высших органов управления в направлении, необходимом для формирования и развития государственно

регулируемого рынка средств производства и предметов потребления.

Характер сформировавшейся в каждой союзной республике отраслевой структуры, как правило, предопределен не столько ее собственными социально-экономическими интересами, сколько преимущественно целесообразностью общесоюзного разделения труда. А это на развитие экономики ряда союзных республик с разной степенью остроты наложило нежелательное клеймо монопродуктовости: когда та или иная из них вынуждена в неприемлемых для себя огромных масштабах производить тот или иной продукт (например, для республик Средней Азии таким продуктом является хлопок, для Грузии — чай). Это в определенной степени, в качестве одной из причин, влияет на неравенство в уровнях социально-экономического развития республик.

Так как сегодня еще не образован общесоюзный рынок средств производства, а возможности выхода на мировой рынок еще слабы, все союзные республики настолько завязят друг от друга, что достаточно хотя бы в одной из них по какой-либо причине задержаться нормальный ход производственно-хозяйственной деятельности (что, как свидетельствует практика, к сожалению, не так уж редко происходит в нашей действительности), как это сразу же отрицательно скажется на непосредственно экономически связанных с ней республиках, и этот процесс по цепной реакции с большей или меньшей остротой распространяется практически на все союзные республики. В то же время, как известно, бездействует механизм, который призвал бы к материальной ответственности «виновную» республику.

Для того, чтобы экономика союзных республик полностью была способна реализовать свой потенциал, по справедливому замечанию ряда экономистов, надо коренным образом перестраивать отраслевую структуру народного хозяйства этих республик. Сложность состоит в том, что характер ныне существующих отмеченных хозяйственно-экономических отношений между союзными республиками является значительным препятствием на пути структурной перестройки. Здесь же следует отметить, что на решении этой проблемы отрицательно сказывается и то, что наш опыт по совершенствованию отраслевой структуры существенно ограничивается только советской действительностью.

Для достижения экономической самостоятельности необходимо изменить отраслевую структуру в направлении соответствия мировому разделению труда. С этой целью следует постепенно приоткрыть «двери» нашей экономики мировому рынку, который также постепенно соответствующим образом преобразует не только отраслевую структуру, но и всю хозяйст-

венно-экономическую деятельность. В этом процессе и у нас накопится соответствующий опыт.

Для того, чтобы застраховаться от возможных ошибок, включение каждой союзной республики в систему мировых рыночных отношений должно подкрепляться общесоюзными рыночными отношениями. Данный вопрос более подробно будет рассмотрен в следующей части книги.

4. 4. СОБСТВЕННАЯ ВАЛЮТА: В ЧЕМ НЕОБХОДИМОСТЬ?

Одним из существенных атрибутов экономической самостоятельности суверенной республики является наличие в ней собственной валюты, что, с нашей точки зрения, оправдано по крайней мере следующими двумя экономическими причинами.

Наличие собственной валюты, как известно, является реальным инструментом хотя бы для частичной защиты тех союзных республик, которые характеризуются относительно высоким уровнем социально-экономического развития, от инфляционных процессов.

При рассмотрении этого вопроса особое значение имеет учет того факта, что СССР объединяет в себе значительно различающиеся по количеству населения и масштабам экономики союзные республики. Не утруждая читателя статистическими выкладками, отметим всего лишь то, что, например, в начале двенадцатой пятилетки удельный вес РСФСР в общесоюзном розничном товарообороте государственной и кооперативной торговли (включая общественное питание) составил 53,57%, Украинской ССР — 17,15%, Грузинской ССР — 1,66%, Молдавской ССР — 1,32%, Эстонской ССР — 0,86%². Такая крупная союзная республика, какой является РСФСР, во многом определяет уровень социально-экономического развития всего СССР. Это положение выглядит еще более убедительным, если в паре с РСФСР рассматривать и Украинскую ССР. Что же касается таких маленьких республик, какими, например, являются Балтийские, Закавказские или ССР Молдова, то их влияние на уровень социально-экономического развития СССР имеет далеко не решающее значение.

Исходя из сказанного, в условиях общесоюзной валюты мера пространственного распространения инфляционных процессов во многом зависит от того, в каком отношении находится та или иная маленькая союзная республика к РСФСР (и Украинской ССР) по уровню социально-экономического развития: на экономику более развитых маленьких союзных республик тяжелым бременем ложатся инфляционные процессы

² Народное хозяйство за 70 лет. М.: Финансы и статистика, 1987, с. 457.

крупных союзных республик, в то время как менее развитые маленькие союзные республики со значительными инфляционными провалами преуспевающе существуют за счет этих крупных союзных республик. Таким образом, в финансово-экономических интересах не только высокоразвитых маленьких (которых не так уже много), но в большей степени крупных союзных республик наличие в каждой из них свободно конвертируемой, прежде всего в общесоюзном масштабе, собственной денежной единицы. Оправдано это и с точки зрения экономической слаборазвитых союзных республик для искоренения иждивенческих настроений.

Наличие собственной валюты у каждой союзной республики предопределяется и необходимостью точного определения вклада каждой из них в общесоюзную «копилку».

Сегодня каждую союзную республику волнует вопрос, как точно оценить, насколько она способна существовать исключительно за счет своих собственных средств и сколько у нее забирают для нужд других союзных республик. С этой целью в каждой из них ведутся разработки по уточнению значения таких обобщающих экономических показателей, как производственный и потребленный национальный доход и т. п. Но все усилия в этом направлении тщетны в условиях наших общепризнанных «уродливых» цен.

Не поможет делу и разработка сколь угодно совершенной методики, на основе которой можно будет определить, какая союзная республика содержит сама себя, а какую содержат другие. В этом случае ученые-экономисты из последних союзных республик постараются и смогут обосновать недостатки этой методики (ибо идеальной методики в природе нет), и «усовершенствовать» ее в том направлении, чтобы доказать, что они не только сами покрывают свои расходы, но и участвуют в содержании других союзных республик. К тому же для упрочения своих позиций по такой «усовершенствованной» методике покажут, что в группу этих самообеспечивающих себя союзных республик обязательно входят и РСФСР и Украинская ССР.

В условиях нынешнего недоверия во избежание подобных бесплодных усилий экономического интеллекта союзных республик (что кроме взаимных обид ни к чему хорошему не приведет), наличие собственной валюты у каждой из них представляется реальным инструментом решения рассматриваемой проблемы. В результате эквивалентного межреспубликанского обмена, согласно установленному курсу, в конце каждого финансового года любая союзная республика с необходимой точностью (без особых подозрений) сможет оценить, какой республике сколько она задолжала и какая республика сколько должна ей.

Одним из «популярных» аргументов в противовес наличию у союзных республик собственных денежных единиц является утверждение, что последние якобы могут воспрепятствовать созданию общесоюзного рынка средств производства, за необходимость которого ратуют и сторонники эстонской модели экономики тоже. Не вдаваясь в детали данного вопроса, заметим, что о неправомерности его подобной постановки свидетельствует мировая практика, когда наряду с наличием у каждого суверенного государства собственной валюты успешно функционирует мировой рынок средств производства и других благ.

Наличие у каждой союзной республики собственной валюты, по всей вероятности, позволит ускорить создание общесоюзного рынка средств производства, ибо многообразие оборачиваемой валюты будет препятствовать фондированному распределению этих средств.

Наличие собственной валюты у каждой союзной республики вовсе не исключает традиционной взаимовыручки, а в особых случаях и безвозмездной взаимопомощи, но если та или иная республика встала на путь приобретения реального суверенитета, любые экономические взаимоотношения требуют точного счета, что особенную «прозрачность» приобретает при валютных отношениях.

5. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СУВЕРЕНИТЕТА СОЮЗНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Несмотря на то, что в настоящее время много говорится об экономической самостоятельности союзных республик, тем не менее приходится признать, что далеко не всеми одинаково понимается эта самостоятельность. Данная ситуация, в свою очередь, создает почву для споров неконструктивного характера. Таким образом, прежде всего надо четко оговорить, что означает понятие экономической самостоятельности союзных республик, и уже исходя из этого можно будет разобраться в экономических основах конституционно признанного их суверенитета.

Под экономической самостоятельностью страны, как правило, понимают ее такую неограниченность в принятии и осуществлении хозяйственно-экономических решений, которые создают экономические условия для реализации жизненно важных интересов населения данной страны.

Для того, чтобы глубже разобраться в сущности экономической самостоятельности государства, по нашему мнению, целесообразно обратиться к опыту национально-освободительно-

го движения стран Азии, Африки и Латинской Америки. На основе обобщения этого опыта можно заключить, что существует так называемая номинальная и реальная самостоятельность.

Как известно, эти колониальные страны не имели ни политической, ни экономической самостоятельности. В результате национально-освободительной борьбы многие из этих стран приобрели политическую самостоятельность, но при этом они все-таки экономически остались несамостоятельными, т. е. перешли в неоколониальное положение. Именно такая самостоятельность является номинальной, так как экономическая зависимость от бывшей метрополии во многом определяет и политический курс формально освободившейся страны. Иначе говоря, последние «достигли» неоколониальной формы номинальной самостоятельности.

Некоторые освободившиеся страны с целью выхода из неоколониального состояния установили значительные экономические связи со страной (как правило, с США) с экономической мощью, намного превышающей силы бывших метрополий. Хотя цель — выход из неоколониального состояния — была достигнута, но это произошло всего лишь за счет смены субъекта экономической зависимости, субъекта экономического диктата, и поэтому бывшие колониальные страны не смогли выйти за рамки номинальной самостоятельности.

Реальная самостоятельность государства достигается только тогда, когда политическая самостоятельность подкреплена экономической самостоятельностью.

Необходимо подчеркнуть, что по сравнению с достижением политической самостоятельности, достижение экономической самостоятельности — более длительный процесс и во многом определяется осмысленной экономической политикой.

Когда говорим о том, что союзным республикам необходима экономическая самостоятельность, то следует иметь в виду, что речь идет о предоставлении им полного суверенитета в принятии и осуществлении хозяйственно-экономических решений, создающих экономические условия для реализации жизненно важных интересов населения этих республик.

Для того, чтобы союзные республики получили такие полномочия, прежде всего, надо выяснить, в чем же в настоящее время заключаются истоки их экономической зависимости. Не претендуя на полное и неоспоримое обсуждение данного довольно сложного вопроса, выскажем некоторые соображения.

Согласно утвердившемуся в публикациях экономического характера взгляду экономическая зависимость союзных республик упирается в административно-командную систему уп-

равления, олицетворением которой является пресловутый «Центр».

По мнению многих представителей некоторых союзных республик, причина их экономической зависимости заключается в том, что Россией осуществляется их экономическое угнетение, или, иначе говоря, присвоение в сфере экономики воли населения этих республик. Сегодняшний механизм присвоения этой воли очевиден и им является решение многих насущных вопросов по принципу большинства голосов, когда различные союзные республики имеют неодинаковое их количество в руководящих органах СССР.

Несмотря на то, что обе эти версии в большей или меньшей степени близки к истине, ни одна из них не способна полностью объяснить феномен экономической зависимости союзных республик.

Происходящие в СССР экономические и политические преобразования, по крайней мере согласно признаниям их зачинателей, нацелены на смену административно-командной системы управления демократической системой. По замыслу в результате более или менее реальных перестроочных действий союзным республикам должны быть ослаблены правовые ограничения в принятии внутренних хозяйственно-экономических решений. Но только лишь подобные перемены вряд ли в такой же степени расширят возможности реализации этих решений; они окажутся безжизненными. Основанием для подобного сомнения является то, что экономика союзных республик «скована» единым народнохозяйственным комплексом (ЕНХК) СССР. Какой бы значительный (и при этом всеми желаемый) демонтаж административно-командной системы управления ни произвести, трудно представить, что только на основе этого, например, Грузии, исходя из жизненных интересов своего населения, удастся кардинально изменить объем производства чая.

Не приведет к экономической самостоятельности и то, если в руководящих органах СССР все союзные республики будут представлены одинаковым количеством решающих голосов (что само по себе не должно вызывать сомнения, если имеем дело с союзом равноправных государств). И в этом случае вряд ли союзные республики получат экономическую самостоятельность, так как для реализации многих жизненно важных для них интересов непреодолимым объективным препятствием будет опять-таки ЕНХК СССР.

Когда речь идет об экономическом угнетении, необходимо коснуться следующего, на наш взгляд, довольно сложного вопроса.

Международный опыт свидетельствует, что если одна страна экономически угнетает другие страны, то естественным является следствие, когда население угнетающей страны имеет

лучшие экономические условия жизни, чем население угнетенных стран. Насколько же соответствует это положение нашей действительности, когда речь заходит о российском гнете?

У многих рядовых граждан представление об условиях жизни в России существенным образом очерчивается границами Москвы и Ленинграда, в которых в течение долгих лет искусственно, за счет других регионов, создавался высокий уровень жизни. Кроме этих двух городов практически всегда во всех остальных регионах России экономическая ситуация много сложнее. Для РСФСР (в среднем так же, как и для многих других союзных республик) характерен острый дефицит продуктов питания и многих товаров первой необходимости; в ее крупных промышленных центрах при массовости тяжелого физического труда (следствием чего нередко бывают тяжелые производственные травмы, в том числе со смертельным исходом и профессиональные заболевания), многие трудящиеся не имеют элементарных условий для жизни (например, нормального жилья), в ряде районов катастрофической является экологическая ситуация (вследствие чего нередко случаи врожденных заболеваний у детей), низким является уровень обеспечения медикаментами и т. п. Это зачастую является причиной забастовок рабочих тех или иных отраслей. Таким образом, следует признать, что во многих районах РСФСР уровень жизни ниже, чем в иных союзных республиках. Именно тяжелое социально-экономическое положение сформировало стереотип ошибочного представления у населения этих регионов, что они содержат другие союзные республики. Действительной же причиной такого низкого жизненного уровня является ими же выбранная система экономического устройства, что было в той или иной мере насильно навязано и другим союзным республикам.

Как уже было отмечено, основой экономической зависимости союзных республик является то, что их экономика является составной частью ЕНХК СССР, и, следовательно, в сфере экономики если и иметь какие-либо претензии к России, то они прежде всего должны быть сконцентрированы в том направлении, что именно Россия являлась инициатором создания такого комплекса, от которого «страдают» все республики (в том числе, и, может быть в первую очередь, РСФСР).

В условиях реальной самостоятельности суверенное государство должно иметь более или менее совершенный собственный ЕНХК, т. е. органически взаимосвязанный целостный комплекс отраслей народного хозяйства, деятельность которых нацелена на реализацию интересов граждан соответствующей страны.

Живущие в СССР люди самых разных национальностей имеют также различную систему ценностей и интересов; например, как показал I Съезд народных депутатов СССР, основным интересом русских является кардинальное оздоровление экономики, в то время как жизненно важным интересом малочисленных народов Крайнего Севера и Дальнего Востока является национальное выживание путем создания для них резерваций. Очевидно, что ЕНХК СССР принципиально не может обеспечить реализации не всегда совместимых интересов различных наций и народов СССР.

Здесь же надо добавить, что СССР в отличие от такого федеративного государства, как США (с которым часто проводят необоснованное сравнение), объединяет не просто людей различных наций и национальностей, но и различные государства со своей исторической территорией, со своими собственными государственными интересами, которые также не всегда совместимы.

Таким образом, до тех пор пока существует ЕНХК СССР, экономическая самостоятельность союзных республик будет оставаться неразрешимой задачей. Следовательно, экономической основой суверенитета союзной республики является наличие у нее собственного ЕНХК.

В экономической литературе высказывалась мысль о том, что в союзных республиках имеются собственные народнохозяйственные комплексы как составные части ЕНХК СССР. Мы не беремся строго оценить правомерность этих высказываний для относительно крупных по территории и численности населения союзных республик (пусть окончательный ответ на этот вопрос дают экономисты этих республик), что же касается малых (и территориально и по численности населения) союзных республик, то сосредоточенные на их территориях предприятия и организации, очевидно, не способны создать народнохозяйственный комплекс; если народное хозяйство крупных союзных республик может содержать в себе такую часть, которая могла бы хоть как-то выполнять функцию народнохозяйственного комплекса, то народное хозяйство малых союзных республик (из-за его небольших масштабов и при непосредственном его включении в ЕНХК СССР) принципиально не может содержать в себе такую комплексобразующую часть.

Для того, чтобы в союзных республиках сформировать собственный ЕНХК, необходимо прежде всего землю и другие природные богатства объявлять собственностью этих республик (о чем уже отмечалось выше). Но этого недостаточно для создания ЕНХК союзных республик. На этом пути особым препятствием является функционирование предприятий союзного подчинения, да и функционирование предприятий республиканского подчинения во многом определяется четко очерчен-

ной ролью союзных республик в общесоюзном разделении труда.

Что же может прийти на смену ЕНХК СССР? ЕНХК союзных республик, интегрированных на основе современных международных рыночных отношений. Заметим, что такое преобразование ЕНХК СССР может стать экономическим гарантом разрушения административно-командной системы управления.

Создание ЕНХК той или иной союзной республики не является только ее собственной задачей; она разрешима только при осознанной взаимовыгодной взаимопомощи если не всех, то большинства союзных республик. А для этого необходимо, чтобы в них созрело общественное сознание, соответствующее современному мировосприятию, устройству экономической жизни. К сожалению, в этом направлении среди отстающих числятся прежде всего республики Средней Азии. А в таком случае каждая попытка других союзных республик в направлении создания основ экономической самостоятельности встречается угрозами применения жестких экономических санкций Центром

Создание ЕНХК союзных республик, в свою очередь, ассоциируется многими с созданием экономических условий для реализации конституционного права выхода из состава СССР. Из-за особой актуальности этого вопроса коснемся некоторых его аспектов.

Согласно утвержденному положению уже приняты основы экономического механизма, на базе которого та союзная республика, которая решит выйти из состава СССР, должна заплатить в пользу Союза определенную сумму, за счет чего должны быть покрыты многолетние непосредственные отчисления из союзного бюджета, а также выкуплены предприятия союзного подчинения (в противном случае предполагают их демонтаж и вывоз за пределы республики).

Подобная постановка вопроса имеет очевидные слабости, о чем, как правило, предпочитают умалчивать.

Прежде всего, хотя бы теоретически не исключен случай, когда все союзные республики одновременно поставят вопрос о выходе из состава СССР, и тогда изъятие указанных сумм в пользу Союза теряет всякий смысл. В случае, если союзные республики неодновременно решат выйти из состава СССР (что представляется более вероятным), то те из них, которые первые примут такое решение, окажутся в неравном положении с теми, которые решатся на это последними, ибо им уже ничего не придется платить в пользу Союза, иначе говоря, в этом случае поправки будут равные права союзных республик, объединенных в СССР.

Здесь же особо следует подчеркнуть, что когда речь заходит о том, что получила каждая союзная республика из

союзного бюджета, то никак нельзя упускать из внимания, что в создании этого бюджета принимали участие все эти республики. Нет необходимости в особых экономических знаниях для осмысления того, что постановка вопроса точного расчета того, что было взято, а затем дано каждой союзной республике, заводит решение вопроса о выходе из СССР в тупик. Дело в том, что во многих союзных республиках была «изуродована» структура экономики ради интересов общесоюзного разделения труда, что количественно оценить практически невозможно.

По нашему глубокому убеждению, построение экономического механизма выхода союзной республики из состава СССР на указанном «расчетном» принципе является унижительным как для самих этих республик, так и нынешнего их союза, имеющего претензию быть признанным мировым сообществом цивилизованной страной.

Механизм создания ЕНХК союзных республик заложен в концепции экономической самостоятельности Балтийских республик, о которой речь шла выше.

Для того, чтобы создать ЕНХК союзной республики вслед за объявлением ее собственностью земли и других природных богатств, необходимо упразднить союзную (да и вообще любую) подчиненность предприятий и организаций для обеспечения их хозяйственно-экономической независимости. Вместе с тем следует перестроить систему налогообложения так, чтобы все налоги и сборы, собранные на территории союзной республики, вносились только в ее государственный бюджет. И только в русле этих преобразований имеет смысл постепенно все шире приоткрыть «двери» экономики иностранному капиталу.

6. СВОБОДА ЛИЧНОСТИ, ТИП ЭКОНОМИКИ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ

Одновременно с обсуждением вопросов экономической самостоятельности, параллельно, а часто и в увязке с ним нередко поднимается проблема широкого распространения частной собственности. Связующим звеном выступает то, что в обновленной Грузии человек должен быть свободен, а основой личной свободы является частная собственность.

Таким образом, на частную собственность возлагаются такие надежды, которые она никак не в состоянии оправдать. Частная собственность предполагает полное и неделимое господство собственника над тем или иным объектом. Таким об-

разом, с первого взгляда она предполагает господство физического лица над вещью, но на самом деле для определенного круга благ такой подход является упрощенным. Когда дело касается средств производства (предметов — природные ресурсы, сырье, материалы и орудия — оборудование, машины и т. п.), собственность отражает отношения не между человеком и вещью, а между людьми. Если средства производства в полном объеме находятся в руках определенного круга лиц, часть людей лишена собственности на средства производства, а значит и возможности «автономно» создавать продукты и обменивать на рынке на необходимые им товары. Единственным путем их получения в данной ситуации для этой части людей является сдача в наем собственной рабочей силы собственнику средств производства. Так что в условиях частной собственности свобода этой части людей состоит в свободе в сдаче в наем собственной рабочей силы. Таким образом, безусловное признание правомерности тезиса «частная собственность — основа свободы личности» было бы неверным.

Особенно обоснованным не будет выглядеть и признание относительной правомерности указанного тезиса. Соблазн этого возникает в том контексте, что при всеобъемлющей государственной собственности от всего, кроме сдачи в наем своей рабочей силы, свободно практически все население. На этом фоне то, что в условиях частной собственности гарантирована свобода собственников (части населения), может показаться прогрессивным. Оптимизация экономики по такому «критерию свободы» может означать лишь стремление к такому состоянию, когда частными собственниками будет как можно большее число людей. Такое рассуждение привело бы нас к выводу, что в Таиланде, где собственники и самостоятельные производители составляют 80% экономически активного населения или в Непале, где этот показатель превышает 90%, личность более свободна, чем в Швеции, США, Канаде, Австрии или ФРГ. Ведь здесь величина указанного показателя не превышает соответственно 8%, 9%, 10%, 13% и 14%.

Так что, если смотреть на мир в целом и рассматривать связь свободы человека с частной собственностью в таком свете, придется делать вывод, что человек свободен тем больше, чем меньше частная собственность. Так как все мы знаем цену выводам такого рода, нам надо признать, что лозунг «частная собственность — основа свободы личности» — искусственная конструкция. Связь между этими понятиями хотя и существует, но она отнюдь не такая однозначная.

Обоснованность сказанного вовсе не ущемляется тем, что мы рассматриваем лишь частную собственность как собственность на средства производства физических лиц и не касаемся момента, когда они находятся в собственности лиц юридических. Ведь общеизвестно, что большая часть акций кампаний

акционерного типа рассеяна среди большого числа владельцев, которые являются собственниками примерно в такой же мере, как до сих пор грузинский чаевод был собственником нефтяных месторождений Сибири, а кузбасский шахтер — собственником предприятия «Самтрест». Таким образом, если даже рассматривать собственность юридических лиц как совокупность частных собственности лиц физических, придется сделать вывод, что тезис «частная собственность — основа свободы личности» в данном случае неадекватен реальному положению. И наконец, в развитых странах существенное место занимает государственный сектор экономики. Так называемое общественное предпринимательство охватывает, например, во Франции более трех четвертей связи, электроэнергетики, угледобывающей промышленности, снабжения газом, железных дорог, авиатранспорта и производства стали. Тут уже ситуация в собственности до того схожа с нашей, что говорить о частной собственности, которая в данном случае отсутствует в качестве основы существующих во Франции свобод, вообще не имеет смысла.

Чтобы все вышесказанное не почиталось защитой устаревших догм, необходимо отметить, что никто не сомневается в более высоком уровне жизни в развитых Западных странах, равно как и в сравнительно с нашей полноте гражданских прав и свобод. Никто не спорит и с тем, что тамошнее общество развилось на основе частной собственности. Речь идет лишь о том, что существующий сегодня в западных странах уровень свободы личности, качества жизни, вовсе не объясняются лишь, а может быть и главным образом, тем, что там когда-то господствовало основывающееся на частной собственности свободное предпринимательство.

Общество, произросшее из свободного предпринимательства на основе частной собственности, в своем развитии достигло такой ступени, когда разница между ним и описанным Марксом капитализмом легко осязаема и ее необходимо видеть. При этом в целом ряде стран достигнут более высокий уровень социальной защищенности человека, чем у нас. Это последнее обстоятельство означает, что из числа движущих экономическое развитие сил в этих странах должны были выпасть такие факторы, которые существуют лишь в основанной на частной собственности свободнопредпринимательской экономике и из-за своей нечеловечности являются самыми эффективными. Для обоснования прямой связи между жестокостью и экономической эффективностью достаточно привести мнение выдающегося экономиста А. Маршалла, что: «когда свободное предпринимательство проявило себя в неестествен-

но жестких формах, именно тогда экономисты оказались особенно щедры на похвалы ей»¹.

Однако, несмотря на исчезновение с экономической сцены этих могущественных сил, экономика западных стран не потеряла динамизм в развитии. Причина этой удивительной стабильности очень проста. Известный американский бизнесмен и друг России Арманд Хаммер пишет, что: «если хочешь иметь хороших сотрудников, надо заботиться, чтобы работа на тебя имела для них смысл. Люди всегда работают лучше, если им хорошо платят и они боятся потерять работу, подобную которой трудно найти»². Говоря другими словами, посредством взаимосвязи хозяйственной системы каждый наемный работник должен быть заинтересован в эффективном использовании средств производства в такой степени, как и их собственник. Такие формы хозяйственных взаимосвязей на западе найдены. Именно это является причиной того, что эффективность производства и соответственно уровень жизни там существенно выше, чем у нас.

К сожалению, у нас были вульгаризированны идеи социализма, а закономерности социально-экономического развития объявлены несуществующими. В результате мы оказались в бедственном положении, в котором сегодня находимся и из которого хотим выйти. Именно это достойное уважения желание лежит в основе призыва к переходу к частной собственности, но является ли такой путь оптимальным?

Как известно, самый короткий путь между двумя точками лежит по прямой. А переход к основанному на частной собственности свободному предпринимательству в наших условиях значит идти не по ведущему к расцвету прямому пути, а стать на кривую и скользкую дорогу.

В первую очередь следует учитывать то обстоятельство, что наше народное хозяйство, по сути дела сравнимо, с точки зрения концентрации производства, с экономически развитыми западными странами. Имеется в виду наличие крупных предприятий. Тот факт, что мы и они дошли до такого положения разными путями, на сегодняшний день не имеет никакого значения. В промышленности Грузии в каждой самостоятельной производственной единице работает более 1000 человек, а стоимость основных и оборотных фондов каждой из них превышает 30 млн. руб. В чьей частной собственности должны быть эти предприятия, непонятно. Исчезновение, по крайней мере существенное сокращение, основанного на частной собственности свободного предпринимательства связано

¹ А. Маршалл. Принципы политической экономии. Т. 1. М.: Прогресс, 1984, с. 67.

² А. Хаммер. Мой век двадцатый. Пути и встречи. М.: Прогресс, 1988, с. 94.

именно с необходимостью концентрации капитала, исходя из нужд развития производства.

Но предположим, у нас нашлись люди, кто готовы стать собственниками промышленных и других предприятий. Кем они могут быть, как не дельцами теневой экономики, комбинаторами, коррумпированными партийными, государственными и хозяйственными деятелями, нажившимися за наш счет? Так что нужно учитывать и этический аспект проблемы и если же переходить к основанному на частной собственности хозяйству, надо попытаться обеспечить всем равные стартовые условия.

Если мы хотим добиться желаемого, идти по пути свободы и расцвета, надо сконцентрировать внимание не на повсеместном внедрении частной собственности, а на создании условий для таких форм, которые делают наемного работника таким же заботливым хозяином средств производства и его продукта, как собственника. Богатый опыт такого рода имеется на Западе и нам нужно лишь изучить и применить его. Это экономика рыночного типа и отточенные опытом системы внутрифирменных и внутрикорпоративных хозяйственных механизмов.

Определенные шаги в этом направлении вроде бы делаются, но если смотреть правде в глаза, их, если внимательно не присматриваться, можно не заметить. Да, у нас есть кооперация — но она развивается не совсем так, как хотелось бы, ее все время хотят придушить, одновременно заставляя играть роль козла отпущения. Да, у нас есть арендные предприятия, которые лбом прошибая стены или подкапывая их, пробивают сегодня дорогу — но их мало и они продолжают содержать за свой счет бюрократов от экономики и работать на государство, а не на рынок. Есть у нас вроде и акции — но они настолько «полу», что похожи они на своих западных тезок как советский «Запорожец» на «Мерседес-Бенц». Появляются в СССР концерны и ассоциации, да только если бродячую собаку назвать коровой, молока от этого не прибавится. Одним словом, изменения вроде бы есть, но, с другой стороны, ничего не меняется. Это в масштабе СССР, а в Грузии и того хуже.

При этом в последнее время на союзном, да и на республиканском уровне замечаются тенденции административно-командной реставрации. Видимо, кое-кого мучает мечта поклониться гробнице Рехмира. Читателя заинтересовало, кто такой Рехмир? Это верховный сановник фараона Тутмоса III, царствовавшего в Египте в XVI в. до н. э. Объяснить связь гробницы столь уважаемого вельможи с нашими заботами поможет нам ознакомление со списком из нее, в котором говорится: «Ему будут докладывать все дела. Это он будет устанавливать границы каждой области, каждого пастбища,

каждого владения. К нему будут поступать все дела. Это он будет допрашивать о недоимках каждого хозяйства... Это он будет взимать подати»³.

Параллель между экономической системой, с одной стороны, фараоновского Египта и, с другой стороны, экономикой победившего у нас социализма вовсе не основывается на одном списке из гробницы Рехмира. Об экономической системе административного социализма и в Древнем Египте вообще удобно говорить в одних терминах.

Такое сравнение у части читателей вызовет, наверное, и положительные эмоции. Ведь Египет — это величественные пирамиды, удивительные ирригационные системы. Действительно, будь Рехмир жив, он бы мог гордиться плодами своего труда. Также мог бы гордиться своей деятельностью и Сталин. Ведь он, по выражению Черчилля, принял Россию с сохой, а оставил с атомной бомбой, подчинив Москве не только развалившуюся было империю, но и пол-Европы и пол-Азии.

Но если Рехмира мало заботило, во что обходится строительство пирамид, то руководителей строительства социализма и коммунизма должно было интересовать, какой ценой достигаются успехи. К сожалению, картины строительства пирамид и социализма очень похожи. Это и неэкономическое принуждение к труду, это и директивность, и доведенный до крайности централизм в управлении, это и натуральность хозяйствования, это и формирование привилегированного слоя чиновников и строгий контроль над потреблением и собственностью.

Но обе эти системы были системами, т. е. множествами элементов с отношениями и связями между ними, образующими определенную целостность. Именно поэтому они достигали тех целей и результатов, каких достигали. Но если в какой-либо системе один или несколько важных системообразующих элементов заменить на другие, чужеродные, ясно, что изменятся и результаты ее функционирования.

Точно также, как за ночь день, за ослаблением основных звеньев административно-командной системы должно было последовать изменение сути и результатов ее функционирования. Результатом деформирования административно-командной системы стало современное положение в экономике, которую все больше и больше поражают метастазы кризиса. Время, когда само произнесение слов «экономическая реформа» вселяло надежды, прошло. Несмотря на улучшение общих показателей, разруха в экономике продолжает приобретать характер стихийного, а поэтому неконтролируемого и неуправляемого бедствия.

³ Всемирная история экономической мысли. М.: Мысль, 1987, т. 1, с. 43.

В этих условиях необходим глубинный анализ причин, обусловивших как само вхождение в зону кризиса, так и неудачность осуществляемых попыток выхода из него. К сожалению, в таком анализе замечаются нотки тоски по старым добрым административным методам управления. Ярким примером этого является программа деятельности правительства, принятая II съездом народных депутатов СССР. В частности, она разбита на два этапа, на первом из которых «необходим комплекс чрезвычайных мер по преодолению бюджетного дефицита... разбалансированного потребительского рынка»⁴. Для реализации этих благих намерений «действуют как жесткие директивные меры, так и усиливающиеся экономические рычаги... одновременно будут применяться директивные методы управления и постепенно начнут развиваться рыночные отношения». После первого этапа наступит второй; когда «в максимальной степени вступают в силу экономические методы руководства народным хозяйством, все активнее функционирует рынок на основе указанных изменений»⁵. Имеется в виду перестройка отношений собственности между республиками и пр. Обосновывается такой подход тем, что он позволяет обеспечить нацеленность неотложных мер не только на решение первоочередных проблем, но и решение задач стратегического развития. Данный аргумент, видимо, надо понимать как догму, появившуюся в результате откровения свыше, так как его правомерность никаким образом не обосновывается.

Можно ли совместить несовместимое? Можно ли одновременно усиливать жесткие директивные методы и расширять сферу применения рыночных отношений? Видимо, нет, так как там, где есть директива, свободному предпринимательству делать нечего, также, как и наоборот — там, где царит дух предпринимательства, не найдется места «неорехмиризму». Если бы директивные методы способствовали созданию условий для перехода к рыночной экономике и свободным экономическим отношениям, то мы должны были быть готовы к этому уже вчера, ибо мы более 60 лет только и делали, что «проводили жесткий контроль», «переориентировали», «наращивали», «повышали», «насыщали» и т. д. и т. п., в результате пришли к тому, к чему пришли. Видимо, сегодня уже было бы более оправданным попытать счастья, — говоря словами Г. Х. Попова, — в предоставлении самостоятельности курице, которая в благодарность за это снесла бы нам больше яиц.

⁴ О мерах по оздоровлению экономики, этапах экономической реформы и принципиальных подходах к разработке XIII пятилетнего плана. Сб. материалов. М.: Политиздат, 1990.

⁵ Там же.

Подход правительства и другие похожие с ним позиции логически вытекают из недостаточно глубокого анализа причин неэффективного развития и современного кризиса. В качестве таковых называются деформированная структура производства, низкий технический уровень производственного потенциала и т. п., а также неотработанность нового хозяйственного механизма и отсутствие должных экономических регуляторов (можно подумать, кто-то или что-то мешает соответствующим органам их отработать или просто изучить чужой опыт). Такой анализ — результат весьма поверхностного понимания проблем возникновения кризиса, ибо для любого непредвзятого человека ясно, что названные причины, по сути дела, следствия действительно глубинных причин, выросших из свойств директивной экономики.

Такого рода подходы не остаются монополией Центра, находят себе сторонников и в Грузии. Именно поэтому особенно важным является анализ противоборства мнений в Центре. В условиях развала централизованной административно-командной системы будет все больше повышаться законодательная роль и значение практической деятельности органов власти и управления республики. Не допустить оживление психологии Рехмира здесь — главная задача.

Попытки соединить административно-командную систему с рыночными отношениями заранее обречены на провал. Иллюзия, что сейчас необходимо «нажать» на директивные методы, которые все нормализуют, а потом перейти к рынку, может лопнуть как мыльный пузырь и после этого опять будет стоять вопрос: рынок или администрирование. Не исключено, что опять разговор будет идти о том, что необходимо чуть-чуть приналечь на командные методы, а уже потом-то точно можно будет дать свободу рынку. Не исключено, что к этому времени ситуация в экономике немного улучшится, чем сторонники жесткой руки и всевидящего ока получают в руки козырь. Но надо помнить, что успех (если таковой будет достигнут) будет иметь, во-первых, временный характер, а, во-вторых, ограничится небольшим улучшением лишь по сравнению с нашим сегодняшним положением, в то время как отставание от развитого мира будет увеличиваться. Употреблять союз «и» для связи таких понятий как «директивная экономика» и «рыночные отношения» — большая ошибка, и чтобы не топтаться на месте, нужно это понять.

Таким образом, говоря о неприемлемости переоценки значения частной собственности в условиях экономической самостоятельности, следует не забывать, что это вовсе не означает поддержку всеобщего огосударствления экономики, которое имманентно содержит в себе опасность становления административно-командной системы. Видимо, желаемый тип экономики должен быть сформирован на пути, где найдет свое место и

частная собственность, и государственный сектор и, что наверное самое важное, — коллективные формы собственности. При этом самым главным является изменение экономической сущности и механизма хозяйствования предприятий, находящихся в собственности государства. Направление этих изменений, думается, должно вести к переходу к полной хозяйственной самостоятельности государственных предприятий.

Следует заметить, что во всех подходах к определению модели экономически самостоятельной Грузии чувствуется стремление к обеспечению самостоятельности основного звена экономики — предприятий. В частности говорится о переходе к преимущественно экономическим или только экономическим методам управления предприятиями.

По-видимому, ситуация, когда административное вмешательство в деятельность предприятий будет устранено полностью, вряд ли будет иметь место, но стремление свести его к разумному минимуму можно только приветствовать. До настоящего времени важнейшими неэкономическими институтами являются сложившиеся системы государственных заказов и фондируемого распределения. Каждому ясно, что без госзаказов не обойтись — они есть даже в западных странах, выделяющихся среди прочих своим рыночным «уклоном», например, в США. Однако механизм формирования и реализации госзаказов нужно менять, имея в виду уход от фондируемого распределения ресурсов. Снабжение необходимыми для выполнения госзаказа ресурсами должно стать делом самих предприятий — его исполнителей. В противном случае уход от порочной системы фондируемого распределения не удастся — беря на себя материально-техническое обеспечение предприятия — исполнителя госзаказа, допустим, на танк, придется выдать госзаказ на металл, а для обеспечения предприятия — его исполнителя и на руду, а затем и на горное оборудование и т. д. и т. п.

Единственным каналом связи предприятия с государством по поводу реализации госзаказа должна стать цена, которая обеспечит предпринятию — исполнителю госзаказа не только возможность приобретения ресурсов на рынке, но и максимальную выгодность выполнения госзаказа. В условиях сложившейся системы ценообразования такое, конечно, невозможно. Поэтому стремление к уходу от нее присутствует во всех концепциях экономической самостоятельности Грузии. Вместе с тем во многих подходах все же замечается «боязнь» отдать цены рынку, стремление сохранить государственный контроль над ними. Это обусловлено, в первую очередь, заботой о социальной защищенности граждан Грузии, которая, конечно же, достойна поддержки и понимания.

Однако, несмотря на это, вмешиваться в ценообразование все же следует как можно меньше. Не стоит взваливать

на него решение тех задач общественного развития, которые ему не очень-то по силам. Проблемы, которые сегодня решает ценообразование, должны регулироваться системой налогов, платежей, компенсационных выплат, льгот и т. д. Это в полной мере касается и обеспечения социальной защищенности граждан и развития социальной сферы экономически самостоятельной Грузии.

Так или иначе, все разработки в области экономической самостоятельности Грузии, направленные на становление экономики рыночного типа, со свободными, децентрализованными экономическими отношениями при этом предполагают заботу о социальной защищенности ее граждан. При этом, хотя существование частной собственности допускается, она не ставится в приоритетное положение, а лишь объявляется о ее равноправном сосуществовании с государственной и коллективной собственностью.

Каков потенциал такой системы с точки зрения расширения свободы личности? Для ответа на поставленный вопрос следует разобраться, что подразумевается под этим понятием. Если ограничиться экономическими свободами (которые составляют основу всего комплекса гражданских свобод), то под ними следует подразумевать право человека свободно распоряжаться своим богатством, доходом, временем и усилиями⁶.

Сковывают экономическую свободу индивида два типа ограничений: «бюрократические» и связанные с ущемлением свободы выбора из-за дефицита. Ограничения первого типа называются ограничениями на негативную, а второго типа — на позитивную свободу. К «бюрократическим» ограничениям относятся как официальные, узаконенные правила и запреты, мешающие человеку реализовывать свою экономическую свободу, так и неофициальные, неформальные императивы, подкрепленные к тому же нажимом или угрозой. Что касается второго класса ограничений, они пронизывают, во-первых, из-за недостаточности ресурсов (дохода, капитала, знаний и т. п.) для реализации экономических прав (например, человек, желающий купить автомобиль определенной марки, не может этого сделать из-за отсутствия достаточных средств), а во-вторых, из-за отсутствия самой возможности реализовать свои права (например, человек, желающий купить тот же автомобиль, обладает платежеспособным спросом, но «достать» его за установленную цену невозможно).

Соотнося друг с другом западные экономические системы и экономические порядки построенного в Восточной Европе «реального социализма», нетрудно заметить, что последние значительно «обошли» первую в ограничениях на негатив-

⁶ Я. Корнаи. Личная свобода и реформа социалистической экономики. — Экономика и математические методы, 1989, т. XXV, вып. 3, с. 407.

ную свободу. До последнего времени было запрещено буквально все, кроме права сдавать в наем государству свою рабочую силу за определяемую исключительно государством плату, которая к тому же не связана с качеством, количеством, эффективностью труда, и кроме права на не особенно высокое личное потребление, границы которого также устанавливались государством. Что касается ограничений на позитивную свободу, то их первый вид, связанный с недостаточностью дохода, капитала и т. п., носит общий для западных и восточных экономик характер. Второй же вид этих ограничений в несравненно большей мере присущ экономическим порядкам «реального социализма».

Ясно, что снятие или ослабление вышеуказанных специфических ограничений, накладываемых экономической системой «реального» социализма на экономическое поведение человека, является одновременно расширением экономической свободы личности и основой свободы личности вообще. Чтобы понять, способствует ли, и насколько обеспечивает формирование в Грузии вышеописанного типа экономики расширение свободы личности, необходимо уяснить себе, какая совокупность взаимоотношений в экономике «реального» социализма главным образом определила возможность и неизбежность произрастания специфических ограничений на свободу.

Выше, при рассмотрении экономической системы «реального» социализма, она была охарактеризована как по сути дела феодальная. Это означает, что системообразующей взаимосвязью этой системы является отношение между государством — феодалом и человеком — крепостным, на основе сосредоточения основных средств производства в руках первого, неэкономического принуждения к труду второго и установления всех правил экономического поведения первым, на основе признания за вторым ограниченных прав. «Капитулярный» Карла Великого (или его сына Людовика, начало IX в.) исходит из того, что владелец поместья является монопольным собственником, а поместное хозяйство должно обслуживать его нужды⁷. Так и в странах «реального» социализма монопольным собственником является государство, оно определяет цели, а исходя из укрупнившейся в теории и практике необходимости подчинения индивидуальных интересов коллективным, а этих последних общественным (государственным), люди и их коллективы обязаны обслуживать их выполнение. При этом это обязательство носит безусловный характер, вернее, условия их выполнения полностью определяет государство.

Именно этот, доведенный до крайности централизм в принятии решений по самым что ни на есть конкретным вопро-

⁷ Всемирная история экономической мысли. Т. 1. М.: Мысль, 1987, с. 170.

сам, является причиной возникновения специфических «реально-социалистических» форм ограничения экономической свободы. Поэтому уход от централизма является единственным путем избавления от столь неприятной специфики.

Строго говоря, для этого вовсе не обязательно и недостаточно, а в современных условиях часто невозможно и нецелесообразно предпринимать шаги в сторону индивидуализации собственности. Результата можно достичь путем децентрализации права принятия решений. Между прочим, один из виднейших экономистов современности Д. К. Гэлбрейт пишет, что: «В конечном итоге не так уж важно, чья это будет собственность. В капиталистическом мире предприятия обычно принадлежат держателям акций, неизвестным администрации предприятия. Ничего существенно не изменится, если их владельцем, как обстоит дело во многих случаях, будет государство. Важно, чтобы производственное предприятие также, как и человек, получило возможность на утверждение своей индивидуальности, получая вознаграждение за дела и наказание за неудачу»⁸.

Шаги в этом направлении намечены в той или иной степени всеми концепциями экономической самостоятельности Грузии. Развитие негосударственных форм собственности, полная хозяйственная самостоятельность государственных предприятий, включая индивидуализацию здесь условий производства и привлечения труда, создание потребительского рынка и рынка средств производства позволяет предположить, что ограничения как на негативную, так и на позитивную свободу, имеющие специфическо-социалистический характер, будут сняты. Таким образом, экономические основы свободы личности будут существовать реально.

7. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ И ТЕНЕВАЯ ЭКОНОМИКА

Теневая экономика долгое время преподносилась нам в качестве одного из «родимых пятен» капитализма на светлейшем лице социализма, которое вот-вот должно исчезнуть. Но время проходило, а пятно не только не исчезало, но и, наоборот, разрослось. Причем разрослось до таких размеров, что никакой идеологический макияж его скрыть не в состоянии.

Не стоит говорить, что просветление нам принесла политика перестройки. С ней связано лишь официальное признание существования теневой экономики, объем которой оценивается приблизительно в 90 млрд. рублей, что составляет десятую часть валового национального продукта СССР.

⁸ Известия, 1 февраля 1990 г.

Червь теневой, нелегальной, «левой» экономики гложет отнюдь не только наше хозяйство. По оценкам западных специалистов, к середине 80-х годов доля теневой экономики в валовом национальном продукте Норвегии и Швеции составляла 6—17 процентов, в США — 8—12 процентов, а в Канаде и Франции — 5—8 процентов. Приблизительно такое положение и в других развитых странах — Англии, Голландии, ФРГ. Наша беда, а в определенной степени и вина, в другом. В том, что мы ни в теоретическом, ни в практическом плане не подготовлены для создания мало-мальски действенных рычагов воздействия на теневую экономику, и весь наш арсенал методов борьбы с ней исчерпывается административно или уголовно карательными мерами.

О том, что эти меры абсолютно неэффективны, нужно сказать обязательно, ибо нет-нет да и услышишь сегодня тоску по старым добрым временам, когда спекуляция каралась расстрелом на месте, а наказанием за опоздание на работу служило тюремное заключение. Думающим так полезно вспомнить побасенку про царя, обнаружившего по кувшину и пиале, что сторож винных подвалов ворует. Он приставил к сторожу еще одного сторожа, дабы тот контролировал первого, но наутро, увидев у кувшина две пиалы, приказал убрать его. Народная мудрость вполне объективно отражает и сегодняшнюю действительность. Ведь известно, что контролирующие органы занимаются поборами с зарабатывающих «левые» деньги. О преувеличении возможностей контроля говорит и то, что принципиальное притеснение, например, спекуляций, оборачивается лишь ростом цен для потребителя теневых услуг, который вынужден выплачивать помимо цены равновесия между спросом и предложением еще и «плату за риск».

Для того, чтобы научиться воздействовать на теневую экономику, нужно определить ее сущность. На западе теневой экономикой считают нелегальную, неофициальную экономику. В нее попадают как экономические отношения, связанные с преступной деятельностью, запрещенной государством, например, наркобизнес, так и вполне добропорядочные занятия. В последнем случае попадание экономических отношений в «тень» определяется их нерегистрируемостью, укрывательством доходов от государства.

У нас же список запрещенных видов деятельности, по крайней мере, до последнего времени, был несравненно длиннее. Ограничения экономической активности сковывали субъекты хозяйственной жизни, будь то предприятие или человек, по рукам и ногам. Урезывались, например, права предприятий в реализации товарно-материальных ценностей, крестьянам запрещалось содержать скотину сверх «предельных норм» и т. д. В результате, в «тени» с самого начала оказалось мно-

жество людей, занимающихся вполне безобидной и даже полезной деятельностью.

Упование на всемогущество декларации запретов, своего рода правовой фетишизм органов управления при одновременном втягивании в «тень» тем или иным способом большого количества людей, привело к развитию у части населения правового нигилизма. Он выражается в том, что многие из нас не считают несправедливыми и незаработанными доходы большей части агентов теневой экономики. В этом виновата не только деформация общественной психологии, но и насильственное вталкивание в теневую экономику таких видов экономической активности, которые с точки зрения элементарной логики в нее включаться не должны.

В последнее время предприняты попытки вывести некоторые виды деятельности, ранее искусственно выгнанные в «тень», на дневной свет, легализовать их. Имеются в виду шаги в сторону признания и создания условий для развития кооперации и индивидуальной трудовой деятельности. Но, как ни странно, находящиеся в «тени» встретили возможность выйти на свет без того энтузиазма, который можно было ожидать. Так, например, по оценкам ученых, на одного зарегистрированного «индивидуальщика» приходится 30 лиц, постоянно занимающихся индивидуальной трудовой деятельностью неофициально, и около 300 — нелегально делающих это время от времени. В чем же причины упорного нежелания «теневиков» выходить на свет? Для диагностики этого болезненного для нашего общества состояния необходимо выявить тех, кто «отдыхает в тени», и определить, что их там прельщает.

Как было сказано выше, теневая экономика охватывает экономические взаимосвязи, существующие вне рамок закона, но это лишь формальное определение. Ведь, как было отмечено, закон нередко вталкивает в «тень» вполне пристойные виды экономической деятельности. Значит, нужен другой критерий. Таким критерием является соответствие или несоответствие данного типа экономической активности и вида хозяйственной деятельности основам социального строя, в рамках которого они проявляются. Следовательно, буква закона может служить надежной вехой, отмечающей границы теневой экономики лишь в том случае, если сам закон основывается на объективном, реалистическом описании желаемого образа экономической жизни в достигнутых условиях социально-экономического развития.

В обыденном сознании теневая экономика предстает как сфера деятельности подпольных миллионеров, советских мафиози, социалистических гангстеров. Это и так, и не так. Наряду с ними в «тени» находится немало и простых смертных. Ученые, занимающиеся проблемами теневой экономики, выделяют несколько видов теневых экономических отношений.

Наиболее простой областью теневой экономики является частное использование общественных средств производства. Имеется в виду производство в рабочее время на машинах и оборудовании, принадлежащих государству, и из государственного сырья товаров, сбываемых населению или предприятиям по договорным, «свободным» ценам. Такого рода экономическая активность процветает не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве, транспорте и других отраслях народного хозяйства. Примером тому служит использование для извлечения личной выгоды государственных транспортных средств, будь то легковой, грузовой автомобиль или же железнодорожный вагон, сельскохозяйственной продукции общественного сектора и др. Формой использования общественной собственности в корыстных целях является взимание платы за официально бесплатное медицинское обслуживание, дополнительная оплата бытовых и коммунальных услуг и т. п. Каждый из нас не раз выступал в роли агента теневой экономики этого уровня, если не в качестве продавца, то в качестве покупателя.

Расширение масштабов активности индивидуальщика — теневика, втягивание в эту еще не слишком темную «тень» все новых и новых лиц в качестве производителей товаров и услуг равносильно сотворению так называемого «черного рынка». Можно сколь угодно долго сваливать живучесть черного рынка на потребительскую психологию части населения, но этим к пониманию причин его возникновения, а значит, к осмыслению возможностей его контроля, приблизиться невозможно. Естественно, этот фактор нельзя сбрасывать со счетов. Стремление к престижному, а иногда и к показному потреблению оказывает огромное отрицательное воздействие на экономику, и не только на социалистическую. Видный американский экономист Т. Веблен дал полную, граничащую с гротеском, картину его пагубного влияния на движущие силы капиталистического развития.

Вместе с тем, сводить все к стремлению части населения, «зараженного потребительской психологией», к престижному потреблению, значило бы приписывать причину какофонии, получаемой при игре на рояле в боксерских перчатках, их плохому качеству. Ведь тогда пришлось бы стремлением к показному потреблению объяснить желание человека жить в приличной квартире, красиво и даже чисто одеваться, так как над нами встает призрак мыльно-порошковой недостаточности. Дефицит — вот что является благодатной почвой расцвета у нас черного рынка, а престижному потреблению можно придать, самое большее, значение удобства.

Итак, черный рынок у нас расцветает из-за хронического дефицита. А почему мы не можем никак от него избавиться? Талантливейший советский экономист В. Новожилов еще в

20-х годах писал, что дефицита как такового не существует, есть только несоответствие платежеспособного спроса населения на товары, продаваемые по данной цене. Говоря иными словами, желающих купить товары по установленным ценам гораздо больше, чем самих товаров. Раз есть производитель, имеющий товар, пользующийся спросом, и покупатели, готовые приобрести данный товар в гораздо большем количестве, чем он имеется у продавца, последнему предоставлено право выбора покупателя. В нормальных условиях производитель выберет потребителя, готового заплатить более высокую цену. Но если он не вправе провести конкурс покупателей на этой основе, товар достанется либо тому, кто раньше пришел («очередь»), либо тому, кто больше симпатичен продавцу («блат»). При этом симпатия может иметь под собой различное основание и, вероятно, будет играть при выборе потребителя более значительную роль, чем «очередь».

Естественно, что все это, чего нельзя себе представить в условиях капитализма, абсолютно неприемлемо для теоретического социализма. Он ведь должен работать на удовлетворение общественных потребностей, формируемых исходя из социалистических идеалов. Так как отдельный производитель имеет весьма туманное представление о вытекающих из этих идеалов конкретных потребностях общества в фиксированном периоде, возникает необходимость освобождения его от решения непосильной задачи. Но если выбор потребителя не будет осуществлять производитель, за него это должен делать кто-то другой. Поэтому формируется специальная система регулирования хозяйственных связей в виде административно-командной экономики. Вместе с тем создание новой структуры само по себе не решает проблемы критериев выбора производителем потребителя, а лишь передает в ее распоряжение все ресурсы. Таким образом, право распределять продукцию отнимается у непосредственного производителя и передается административно-командной системе. История показала недееспособность применяемых ею натуральных и полунатуральных методов организации производства и распределения. Достаточно заметить, что за последние двадцать лет плановые задания по 170 важнейшим видам продукции, находившимся под контролем государства в лице Госплана и министерств, ни разу не выполнялись.

Но в данном случае главное не в этом, а в побочных, сопутствующих функционированию административно-командной системы явлениях. Находящиеся в распоряжении системы ресурсы по установленной цене жаждут получить потребители, которых значительно больше, чем могут удовлетворить имеющиеся запасы. Поэтому вопрос — кому и за что давать ресурсы, вовсе не носит риторического характера. Солдатам и капитанам системы ничто человеческое не чуждо. Как и не-

посредственный производитель, они при выборе потребителя будут ориентироваться на «блат», а не на «очередь», принимать своекорыстные решения. Таким образом, выстраивается «второй этаж» теневой экономики, формирующийся под давлением черного рынка и желания лучше жить работников аппарата хозяйственного управления. Их втягивание в теневую экономику обусловлено во многом ситуацией, в которой они поневоле играют роль голодных волков, охраняющих овец. Ведь нередко чиновник, имеющий зарплату 130—150 рублей, распоряжается у нас десятками, а то и сотнями тысяч рублей.

Конечно, было бы безразвратно обвинять всех работников аппарата хозяйственного управления во всех смертных грехах. Но вместе с тем наивно думать, что возможно сформировать персонал административно-командной системы управления экономикой из одних альтруистов. Не следует гипертрофировать способность человека ставить интересы дела выше собственных и приписывать это свойство слишком большому количеству людей. Что касается попыток искусственного формирования функционера — бесребренника в условиях административно-командной системы, то они могут иметь какой-нибудь успех лишь в атмосфере недоверия и страха. Административно-командная система без машины страха приводит к расцвету коррупции, падению нравов, что и было характерно для периода застоя.

Разумеется, принятие решений персоналом административно-командной системы каким-то образом регламентируется и контролируется. Однако не боги горшки обжигают, не они заняты составлением регламентов, контролем за их исполнением и надзором за контролем. Эти функции выполняют другие полки войска административно-командной системы. Ясно, что между различными его подразделениями завязываются корыстные взаимовыгодные связи, строится труднопробиваемый бастион круговой поруки, появляются ростки организованной экономической преступности. Таким образом, здание теневой экономики приобретает законченный вид. Иметь наглядное представление о его архитектуре необходимо для разработки эффективной технологии демонтажа теневой экономики. Ее рассмотрение — тема особого разговора. Вместе с тем, даже невооруженным глазом видно, что обуздать теневую экономику лишь с помощью мер типа декларации свободы для индивидуальной трудовой и кооперативной деятельности не удастся.

Таким образом, в теневой экономике условно можно выделить две, часто сильно переплетенные сферы. Первая из них, теневое предпринимательство, охватывает нелегальную деятельность по производству и сбыту товаров и обслуживанию, а вторая — паразитизм, спекуляцию и различного рода дея-

тельность по осуществлению приписок, вымогательств и т. п. Заметим, что если доход, получаемый за счет теневого предпринимательства, по своему характеру может являться справедливым, то доход паразитизма — исключительно несправедливым.

Исходя из марксистско-ленинского мировоззрения, следует признать прогрессивный характер теневого предпринимательства как зачаточного состояния капиталистического ведения производства в недрах феодального хозяйства.

Нелегальное состояние теневого предпринимательства, постоянное преследование со стороны государства-феодала вынудило теневых предпринимателей неофициально платить за свое существование. Подобные наклонности государства-феодала постепенно реализовались в недрах паразитизма. Следовательно, последний имеет значительную поддержку от экономической системы государственно-монополитического феодализма.

Зарождение теневого предпринимательства практически совпадает во времени с созданием экономической системы государственно-монополистического феодализма, т. е. с периодом «военного коммунизма». Во времена НЭП-а оно было легализовано, но с конца 20 — начала 30-х годов предпринимательство «ушло» в долгое и глубокое подполье. Начатая с весны 1985 г. Перестройка в экономической сфере нацелена всеми силами (идеологическими и политическими) содействовать легализации и развитию предпринимательства, что прежде всего выразилось в стремлении легализовать все формы экономических методов хозяйствования, широкого развертывания индивидуальной трудовой деятельности и кооперативного движения. Но вместе с предпринимательством легализовались и сильно переплетенные с ним многие виды паразитизма, т. е. легализовалась значительная часть теневой экономики.

Легализованный паразитизм ставит всяческие барьеры на пути реализации экономических методов хозяйствования и развития индивидуальной трудовой деятельности и кооперативного движения, компрометирует их в глазах широкой общественности. Спектр легализованного паразитизма очень широк, начиная от мелкой спекуляции и включая стремление государства обложить легализованное предпринимательство необоснованными непомерно высокими налогами.

Преодоление склонности к паразитизму возможно путем кардинальной перестройки всей экономической системы на пути становления свободных экономических отношений, экономики рыночного типа.

В заключение сравним нашу классификацию теневой экономики с наиболее распространенной¹, согласно которой в

¹ А. Н. Шохин Социальные проблемы перестройки. М.: Экономика, 1989, с. 67—83.

ней выделяются нелегализованная часть «второй» экономики, неформальная экономика, фиктивная экономика, «черная» экономика. Заметим, что подобное членение теневой экономики неоднозначно соотносится с тем, которое предлагается исходя из поставленной нами цели. В частности, основная часть нелегализованной «второй» экономики, за исключением прежде всего социально-неприемлемых видов деятельности (как изготовление и реализация наркотиков и т. п.), «попадает» в теневое предпринимательство; часть неформальной экономики в виде личностных взаимоотношений в рамках административно-командных процедур планово-управленческой деятельности относится к паразитизму, а другая часть — в виде нелегальных экономических методов хозяйствования — к теневому предпринимательству; фиктивная экономика практически полностью входит в сферу паразитизма; часть «черной» экономики в виде формально неучтенных целых предприятий или отдельных звеньев государственных предприятий относится к теневому предпринимательству.

8. НАЦИОНАЛЬНАЯ ГРУЗИНСКАЯ ВАЛЮТА

Можно считать утвердившимся в Грузии мнение, что ее экономическая самостоятельность невозможна без национальной грузинской валюты. Это обусловлено не только эмоциональным всплеском национального самосознания (чего нельзя не учитывать), но и реальным осмыслением того, что деньги, как таковые, наряду с другими факторами, являются действенным средством для достижения экономической самостоятельности.

Когда речь идет об эмоциональной стороне вопроса, прежде всего имеется в виду то, что деньги сами по себе являются такими же национальными символами, как гимн, флаг и герб. Это, конечно же, является всего лишь поверхностной стороной необходимости собственной валюты. Более глубоких, объективных причин мы уже коснулись выше, рассматривая преимущества эстонской модели экономики.

Насущная потребность в национальной грузинской валюте заключается в том, что в СССР инфляция достигла значительной величины, рубль остается неконвертируемой валютой и пока ничего не обещает ее «оздоровления». При этом обязательно исходить и из реальных процессов стремления многих союзных республик восстановить действительно суверенное государство, что находит существенное отражение в перестройке как внутриреспубликанского, так и межреспубликанского устройства социально-экономической жизни. Если вместе со сказанным учесть и то, что вряд ли удастся при нынешней запущенности и при таких огромных масштабах

экономики СССР в осязаемый срок добиться конвертируемости рубля, то этот довольно сложный вопрос целесообразно начать решать в тех союзных республиках, в которых уровень общественного сознания позволяет их гражданам взять на себя полную ответственность самостоятельного ведения своего хозяйства. Накопленный же опыт пригодится и тем союзным республикам, которые пожелают остаться в СССР.

Необходимость введения национальной грузинской валюты требует освещения вопроса о том, как это сделать.

Вначале рассмотрим крайний случай полного отказа от союзной валюты — рубля и введения в обращение на всей территории Грузии вновь выпущенной собственной грузинской валюты. Если учесть низкое качество множества видов товаров широкого потребления, не находящих должного спроса у населения, то в этом случае для покрытия расходов государства, для обеспечения выдачи зарплаты и других денежных выплат населению придется периодически обращаться к «услугам» печатного станка. Вынужденная эмиссия безоговорочно приведет к инфляции и соответственно произойдет обесценивание новой грузинской валюты. Иначе говоря, при выборе этого пути введения последней, вскоре она может оказаться в том же (если не худшем) положении, в котором ныне находится рубль.

Необходимо заметить, что сказанное касается не только такого введения в обращение национальной грузинской валюты, но и многих высказываний в поддержку денежной реформы рубля для изъятия из обращения лишней денежной массы, которое оправдано якобы возможностью восстановления этим способом социальной справедливости путем ликвидации расслоения населения по имущественному признаку.

Валютный механизм должен не только обеспечить прочность самой валюты, но и тем самым способствовать действительному оздоровлению экономики. Иначе говоря, прочность валюты, с одной стороны, является показателем развития экономики, а с другой — активно способствует этому процессу. Следовательно, при решении вопроса о национальной грузинской валюте необходимо исходить из того, что она должна послужить действенным средством оздоровления экономики Грузии.

Нам представляется, что введение в обращение национальной грузинской валюты — «тетри» (предлагаемое название денежной единицы Грузии, имеющее исторические корни) должно быть осуществлено следующим образом.

Введение в обращение тетри не должно означать отказ от общесоюзного рубля. При таком параллельном использовании двух валют должны быть разграничены сферы их обращения. В частности, для тетри последняя должна быть очерчена рамками той товарной массы, на которую имеется ста-

бильный спрос на мировом рынке. По мере расширения производства таких товаров постепенно будет расширяться сфера обращения тетри, а его обеспеченность подобными товарами в последующем станет залогом достижения им конвертируемости. Прежде чем более подробно рассмотреть механизм введения в обращение тетри, остановимся на вопросе о параллельных валютах, что нередко вызывает споры среди экономистов.

Необходимо подчеркнуть, что наличие параллельных валют существует «не от хорошей жизни», это временное явление, порожденное экономическими трудностями. Если присмотреться к нашей действительности, можно констатировать, что у нас в обращении имеется несколько денежных знаков. Начнем с талонов: приобретение многих предметов первой необходимости возможно только соответствующим талоном и рублем в паре; иначе говоря, для приобретения этих товаров необходим особый денежный знак — единство соответствующего талона и рубля. Во многих городах СССР приобретение дефицитных товаров осуществляется таким особым денежным знаком, как единство прописки в паспорте (или другого документа о местожительстве) с рублем. Специфическим денежным знаком является единство свидетельства ветерана (или инвалида) войны и рубля, которое дает определенные привилегии для приобретения того или иного дефицита. Здесь же заметим, что сегодня уже ни для кого не секрет, что рубль в руках представителей власти и «рядовых» граждан в принципе являются разными денежными знаками из-за существенного различия их покупательной способности. Таким образом, наличие параллельных валют — это вовсе не новшество для нашей экономической жизни; поэтому следует приветствовать приход на смену этим денежным суррогатам «нормальных», хотя и параллельно обращаемых, денег.

Для того, чтобы ввести в обращение тетри, необходимо четко очертить сферу его «полномочий». С этой целью, прежде всего, следует разграничить продукцию, имеющую стабильный спрос на мировом рынке, от экспортируемой продукции. Дело в том, что многие виды товаров, экспортируемых из СССР во многие политически связанные с ним страны (например, Кубу или Афганистан), практически не имеют никакого спроса на мировом рынке. Данное обстоятельство в полной мере распространяется и на Грузию.

Исходя из сказанного очерчивание рамок обращения тетри только лишь той товарной массой, на которую имеется стабильный спрос на мировом рынке, тем самым хотя бы частично «освободит» нашу новую валюту от политической конъюнктуры для развития производства в направлении лучших мировых товарных стандартов.

За счет товаров и всех видов услуг, на которые имеется

стабильный спрос на мировом рынке (а также за счет других «источников» внешнеэкономической деятельности), можно импортировать высококачественные товары. Для торговли такими (как отечественными, так и импортируемыми) товарами, можно создать специализированные магазины, где приобретение этих товаров будет возможно только с помощью тетри.

Занятые в государственных предприятиях и организациях служащие и рабочие должны получать часть зарплаты в тетри. Доля зарплаты, получаемая в тетри, не должна превышать долю товаров и услуг, приносящих стабильную иностранную валюту в валовом национальном продукте Грузии. Вопрос о размере норматива, определяющего долю зарплаты, получаемой в тетри, требует специального изучения, что выходит за рамки настоящей работы. Здесь же заметим, что этим нормативом должна определяться и доля стипендий, пенсий и других пособий, получаемая в тетри.

Все те государственные предприятия и организации, деятельность которых «приносит» стабильную иностранную валюту, своим рабочим и служащим должны дополнительную часть зарплаты выплачивать в тетри, источником чего должны послужить дополнительные валютные поступления, свободно обмениваемые на тетри.

Что же касается лиц, занятых в кооперативах, частном секторе, либо ведущих индивидуальную трудовую деятельность, их доходы в тетри должны определяться ими же «заработанной» стабильной иностранной валютой, свободно обмениваемой на тетри.

Реализация данной схемы организации обращения тетри заинтересует как отдельные предприятия и организации, так и все трудоспособное (и не только) население Грузии в росте производства товаров и услуг, конкурентноспособных на мировом рынке. Результативность данной схемы во многом будет зависеть от того, как быстро удастся создать рыночные отношения внутри Грузии, и насколько удачно они будут влианы в международные рыночные отношения.

Может показаться, что обращение наряду с нестабильным рублем более стабильного тетри станет основой расширения спекуляции. Прежде всего отметим, что последняя и так является «болезнью» нашей экономики, и чем дальше, тем она более обостряется. Суть же лечения заключается не в ужесточении администрирования (что, наоборот, эту «болезнь» еще более обостряет), а в создании рыночных отношений, при которых многое, что сегодня считается спекуляцией, сбрасывая с себя «извращения подполья», станет нормальными, общественно полезными рыночными актами хозяйствования.

Тетри, как отметили, должен быть, с одной стороны, доступен всем гражданам Грузии, а с другой — будет свободно

обмениваться на рубли в учреждениях государственного банка по реальному курсу. А подобным образом организованная валютная операция объектом спекуляции уже не будет. Следовательно, введение в обращение тетри будет определенным образом способствовать урегулированию тех процессов, которые ныне именуются спекуляцией и находятся под покровом нелегальности.

Резюмируя сказанное, заметим, что обсуждаемые соображения следует квалифицировать как одну из версий введения в обращение национальной грузинской валюты, нацеленного на упрочение экономической самостоятельности Грузии.

9. СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА И ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

В настоящее время в большинстве стран т. н. реального социализма протекают процессы демонтажа существующих социально-экономических и политических структур. Не будет ошибкой отметить, что причиной возникновения указанных процессов является несоответствие их значительной части объективным условиям, определяющим прогресс. Это, в свою очередь, предопределено опирающимся на идеализм догматизмом, который можно охарактеризовать и как вульгаризацию марксизма. То, каким образом будут развиваться события, получат ли они характер целенаправленной перестройки или же стихийного разрушения, в первую очередь зависит от того, будет ли создана жизнеспособная модель соединения социалистических идеалов с движущими силами экономического прогресса. На сегодняшний день бесспорным выглядит утверждение, что такая модель (по крайней мере в достаточной степени детализованная) не найдена.

Одним из важнейших блоков этой модели должен являться механизм социальной защищенности человека, который, с одной стороны, обеспечит всем членам общества определенную степень удовлетворения самых разнообразных потребностей, а с другой, будет способствовать экономическому росту и максимально бесконфликтному развитию общества.

Что касается специфических проблем развития СССР, среди них, в первую очередь следует выделить подъем национального самосознания. Вслед за разработкой в Балтике моделей т. н. республиканского хозрасчета идея экономической самостоятельности приобрела популярность и в других союзных республиках. Интерес, проявленный к этому в Грузии, вылился во множество различных концепций экономической самостоятельности.

Среди них относительно более глубокой проработкой вопроса, по нашему мнению, характеризуются правительствен-

ный вариант¹, концепция Общества Руставели², и концептуально — нормативная модель ЭДС³. Несмотря на то, что все эти три концепции «выросли на эстонском дереве», как между ними и соответствующими концепциями Балтийских республик, так и между ними самими есть немало различий. Их рассмотрение в контексте проблемы развития социальной сферы при одновременном «оживлении» движущих сил экономического роста небезынтересно.

Рассматривая развитие социальной сферы в концепциях экономической самостоятельности Грузии, в первую очередь следует раскрыть, что понимается под понятием социальная сфера. В официальных документах это понятие увязывается с интересами классов и социальных групп, наций и народностей, условиями труда и быта, здоровья и досуга⁴. Исходя из этого под социальной сферой, по-нашему, следует понимать совокупность отношений в обществе, непосредственно связанных с удовлетворением личных и групповых — социально-классовых, демографических, территориальных и этносоциальных потребностей людей⁵. Такое определение не противоречит современным подходам к анализу сущности понятия социальная сфера⁶.

Исходя из вышесказанного ясно, что необходимо рассмотреть проблемы механизма удовлетворения потребностей, во-первых — отдельных людей, во-вторых — отдельных социальных слоев населения, в-третьих — регионов Грузии, в-четвертых — демографических, и, наконец, в-пятых — этнических групп населения.

В первом случае, когда речь идет о механизме удовлетворения личных потребностей, решаемые проблемы носят общий характер. Они, в принципе, не отличаются спецификой по сравнению с вопросами, стоящими перед другими союзными республиками или странами т. н. реального социализма.

¹ Основные принципы экономической самостоятельности Грузинской ССР. Заря Востока, 6 августа 1989 г.

² Концепция экономической самостоятельности Грузинской ССР. Вечерний Тбилиси, 8 августа 1989 г.

³ Концептуально-нормативная модель ЭДС. Молодежь Грузии, 28 сентября 1989 г.

⁴ Материалы XXVII съезда КПСС. М.: Политиздат, 1987, с. 97

⁵ Р. Ахметели. Социальная сфера: экономические аспекты совершенствования. Известия АН Грузинской ССР. 1989 № 2 с. 39—42

⁶ См. напр.: Социальная сфера: совершенствование социальных отношений. М.: Наука, 1987; В. М. Рутгайзер. Социальная сфера. Проблемы планирования. М.: Экономика, 1989, и др.

Общезвестно, что в СССР, да и не только в нем, был деформирован такой общепризнанный принцип социалистической социальной справедливости, как распределение по труду. «Смягчающие», а вернее упраздняющие его действие механизмы были заложены не только в систему оплаты, но и ценообразование и общественные фонды потребления. В результате действия таких механизмов около половины благ в общем объеме потребления в Грузии население получает вне зависимости от распределения по труду. Разумеется, такой высокий удельный вес распределения «не по труду» никак не может обеспечить достаточно высокого уровня влияния распределения на производство. Если иметь в виду недостаточную увязанность оплаты труда с его результативностью, ее недостаточно высокую (и снижающуюся) долю в общей величине доходов и скромное место последних в общей величине национального дохода, сказанное выглядит еще более обоснованным.

Поэтому подходы к формированию системы оплаты труда, реализованные во всех трех рассматриваемых концепциях экономической самостоятельности Грузии, выглядят вполне оправданными. Во-первых, во всех концепциях предусмотрено существенное расширение хозяйственной самостоятельности государственных предприятий и организаций, включая индивидуализацию условий привлечения и использования труда, что создает предпосылку для самостоятельности основного производственного звена экономики в организации оплаты труда работников. Во-вторых, также во всех трех концепциях существенно ограничивается вмешательство государства в проведение политики в области оплаты труда. Вместе с тем деятельность государства в данном направлении видится автором различных концепций по-разному. В правительственном варианте и ЭДС предполагается, что предприятиям и организациям (за исключением бюджетных) размеры оплаты труда государством не устанавливаются, как и ее минимальный уровень (по правительственному варианту, этот последний показатель рассчитывается, но носит рекомендательный характер). Деятельность правительства ограничивается установлением порядка оплаты труда в нехозрасчетных государственных предприятиях и учреждениях и определением максимальной продолжительности рабочего времени и минимального оплачиваемого отпуска (это последнее лишь в правительственном варианте). Таким образом, в двух из трех рассматриваемых концепций курс взят на полную самостоятельность основных звеньев экономики в формировании систем оплаты труда.

Как было отмечено выше, в деформации распределения наряду с несовершенством системы оплаты труда важную роль играет ценообразование, на которое было взывано реше-

ние задачи реализации превратно понятой социальной справедливости. Имеется в виду в первую очередь запутанная и все более запутывающаяся система дотаций и начисления налога с оборота. Поэтому в приведенных в концепциях подходах к формированию цен наблюдается стремление к освобождению ценообразования от несвойственных ему функций. В правительственном варианте предполагается, что в Грузии будут действовать договорные, рыночные и государственные, в том числе предельные цены. Те же виды цен (кроме предельных) предполагается применять в варианте Общества Руставели. Что касается ЭДС, то здесь зафиксирована лишь возможность использования рыночных и предельных цен. При этом авторы как правительственного варианта, так и концепции Общества Руставели придают большое значение установлению государственных цен на товары и услуги т. н. первой необходимости, исходя из обязательности обеспечения ими всего населения. Таким образом в указанных двух вариантах ценообразование освобождено от несвойственных ему функций в недостаточной мере. По нашему мнению, вмешиваться в ценообразование нужно как можно меньше, а для обеспечения социальной защищенности граждан следует использовать другие, более пригодные для этого методы. Вообще нельзя не отметить, что при желании видеть в будущем в Грузии экономику рыночного типа, авторы указанных двух концепций, по нашему мнению, демонстрируют весьма поверхностное понимание принципов ценообразования в рыночной экономике, влияния субсидирования или налогообложения различных товаров на рост благосостояния. Иначе трудно расценить положение, согласно которому: «государственные органы республики устанавливают цены только в том случае, когда эта мера создает более благоприятные условия для достижения равновесия» (концепция Общества Руставели) или же, когда относительно договорных и рыночных цен говорится, что: «в целях предупреждения негативных отклонений определяется перечень товаров, на которые запрещено менять цены без разрешения республиканского органа, регулирующего цены» (правительственный вариант). Следует отметить, что подход к формированию ценообразования в этих двух концепциях наложил отпечаток и на построение системы налогообложения. В обоих вариантах исключается возможность отказаться от налога с оборота. В модели ЭДС, которая в большей степени освобождает ценообразование от заботы о социальной справедливости, не предусматривается и изъятие в бюджет налога с оборота, который, по нашему мнению, имманентно таит в себе опасность волюнтаризма в ценообразовании и трансформации здоровых экономических отношений в деформированно-натуральные, превращение ценообразования в средство затыкания бюджетных дыр, возникающих вследствие

неспособности государственных органов эффективно хозяйствовать.

Несмотря на то, что во всех рассматриваемых концепциях намечается более или менее существенное ослабление функций содействия социальной справедливости в системах оплаты труда и ценообразования, авторы исходят из необходимости социальной защиты человека. Вместе с тем ни в правительственном варианте, ни в концепции Общества Руставели не приведены хотя бы общие черты механизмов, которые обеспечили бы социальную защищенность граждан, ее рассмотрение носит здесь констатационный характер. В отличие от них в ЭДС обрисованы контуры механизма реализации социальных гарантий, обеспечивающего удовлетворение, на определенном уровне, личных потребностей всех граждан.

В основе механизма реализации социальных гарантий, представленных в ЭДС, лежит разработка социально гарантированного минимума уровня и качества жизни, который должен определять степень удовлетворения потребностей населения, обеспечиваемую государством. Реализация социально гарантированного минимума уровня и качества жизни будет осуществляться на основе равного распределения путем получения гражданами выплат из государственного бюджета и доплат, если не обеспечено потребление ими основных материальных благ и услуг на уровне социально-гарантированного минимума, а также потребления населением благ в основном по ценам рыночного равновесия.

В ЭДС предполагается, что будет отменено не только дотирование цен, но и изменится экономический механизм функционирования сферы т. н. бесплатных услуг. Как и в первом случае, бюджетные средства, используемые в настоящее время для сметного финансирования учреждений этой сферы, предполагается передавать (как в первом случае дотации к ценам) на основе разрабатываемых соответствующими органами государственного управления нормативов гражданам в качестве целевых выплат. В зависимости от их характера предусматривается как выдача наличных денег населению, так и ведение населением безналичных расчетов за потребление услуг. В последнем случае, при наличии экономии в расходовании выделенных по нормативам выплат средств, значительную ее часть предлагается оставлять населению в качестве наличных денег.

Такая постановка вопроса объясняется, в первую очередь, тем, что существующие механизмы функционирования сферы услуг и практика дотирования товаров первой необходимости не содержит в себе даже намека на наличие механизма согласования интересов производителя и потребителя. Это привело, во-первых, к деградации их качества и недостаточности

их предложения; во-вторых, к созданию парниковых условий для несправедливого присвоения, хищения и разбазаривания бюджетных, т. е. вынужденных из народных кошельков средств, и, наконец, в-третьих, к ущемлению свободы личности.

Возьмем к примеру жилищную проблему. Несмотря на все вроде бы предпринимаемые попытки, ситуация в этой сфере не улучшается: не уменьшается длина очереди на получение жилья и время ожидания. Каждый седьмой гражданин СССР не имеет собственного жилища, а каждый третий обеспечен им ниже мизерной санитарной нормы. При этом, по официальным данным, на протяжении 1960—1987 гг. свои жилищные условия улучшили 300 млн. человек, т. е. больше, чем реальное население СССР. Только за 1980—1987 гг. капитальные вложения в жилищное строительство в расчете на одну советскую семью составили около 6 тыс. рублей. Это значит, что за потраченные на жилищное строительство деньги на протяжении 1960—1987 гг. каждая семья могла бы построить себе чуть ли не стометровую квартиру. Что касается ущемления личной свободы, то оно состоит в ограничении т. н. позитивной свободы⁷ (свободы выбора), ибо до последнего времени в предложении многих благ доминирующую, а зачастую и исключительную роль играло деформированное, небогатое «государственное» предложение, а кроме того, во многих случаях ограничивалось даже потребление посредством альтернативного государственному предложения (например, ограничение нормами жилой площади даже строительства за счет собственных средств).

Подходы к организации сферы удовлетворения личных потребностей, реализованные в концепциях экономической самостоятельности Грузии, естественно служат основой и оказывают влияние на рассмотрение здесь вопросов удовлетворения групповых потребностей. Это не удивительно — существенное ограничение вмешательства государства в удовлетворение личных потребностей, уход от бытовавшего в этой сфере патернализма делает удовлетворение групповых потребностей в большей степени делом самих этих групп. В первую очередь это касается собственно социальных групп. Дело в том, что известная трехчленная формула социальной структуры социалистического общества признается сегодня устаревшей⁸, а определение потребностей разнообразных межклассовых и внеклассовых групп из центра и организация удовлетворения их потребностей на основе патерналистской заботы государства невозможны и неэффективны тем в большей степе-

⁷ Я. Корнаи. Личная свобода и реформа социалистической экономики. Экономика и математические методы. 1989, т. XXV, вып. 3 с. 408—410.

⁸ Т. Заславская. О стратегии социального управления. Наука и жизнь, 1988 г., № 9, с. 36—40.

ни, чем шире это разнообразие. Дополнительным аргументом в пользу такого подхода служит тот факт, что структура ценностных ориентаций различных социальных групп, выделенных по классовому признаку, практически однообразна, что также делает вмешательство государства в организацию личного потребления в существующей до сих пор степени бессмысленным.

Механизм удовлетворения потребностей территориальных групп населения, реализация территориальных интересов основывается, во всех трех рассматриваемых концепциях, на функционировании внутриреспубликанских регионов на принципах хозяйственного расчета. Вместе с тем за государством предусмотрена прерогатива проведения внутриреспубликанской региональной политики, исходя из интересов воспроизводства государственности Грузии и создания ее целостной экономики.

Функционирование внутриреспубликанских регионов на основе хозяйственного расчета, одновременно с созданием условий реализации территориальных интересов, служит экономической основой удовлетворения специфических социально-культурных потребностей групп негрузинского населения. Во всех рассматриваемых концепциях территориальным органам управления передаются существенные полномочия, а в ЭДС предполагается передача крупным территориальным образованиям практически всех прав, предоставляемых союзным республикам известными «Общими принципами перестройки руководства экономикой и социальной сферой в союзных республиках на основе самоуправления и самофинансирования». Помимо этого в ЭДС предусматривается, что определенный уровень удовлетворения специфических социально-культурных потребностей негрузинского населения будет гарантироваться государством. Его показатели намечено включать в социально-гарантированный минимум уровня и качества жизни.

Исходя из вышеуказанного, становится ясным, что в условиях становления в Грузии экономики рыночного типа и существенного изменения механизма реализации социальных гарантий должны быть кардинально преобразованы органы государственного управления социально-экономическим развитием; в сфере т. н. материального производства эти преобразования должны быть направлены в первую очередь на уход от отраслевых министерств, а в социальной сфере — на формирование структур, обеспечивающих реализацию социально-гарантированного минимума уровня и качества жизни.

По нашему мнению, система органов государственного управления социально-экономическим уровнем должна охватывать деятельность по следующим направлениям:

— разработка перспективных направлений социально-экономического развития, определение ориентиров стратегического управления, организация государственной статистики;

— обеспечение реализации государственных заказов;

— государственное предпринимательство, контроль за эффективностью деятельности государственного сектора, проведение эффективной политики государственных инвестиций в соответствии с ориентирами стратегического управления;

— регулирование рынка посредством выработки политики в использовании комплекса экономических мер и методов управления рыночными отношениями;

— организацию деятельности государственной биржи акций, способствующей взаимовыгодному сотрудничеству экономически полностью самостоятельных предприятий и организаций и привлечению к инвестированию денежных средств населения;

— обеспечение реализации социально-гарантированного минимума уровня и качества жизни посредством формирования системы выплат и доплат из государственного бюджета и организацией контроля за их исполнением;

— рационализация использования трудовых ресурсов, разработка региональных программ по повышению эффективности занятости, решению демографических проблем и организация государственной биржи труда;

— охрана природы, памятников культуры, контроль за экологической ситуацией, организация рационального природопользования;

— реализация научно-технических программ государственного значения и участие в региональных или глобальных научно-технических программах, представляющих интерес для жизни;

— реализация денежно-кредитных основ государственной экономической политики посредством государственного центрально-эмиссионного банка;

— формирование и исполнение государственного бюджета и финансовое инспектирование;

— разработка и реализация образовательной, культурной политики и здравоохранительных мероприятий в рамках социально-гарантированного минимума уровня и качества жизни;

— организация межреспубликанских, внешнеэкономических связей, обеспечение выполнения экономических обязательств перед другими государствами, реализация внешнеэкономической политики, применение системы мер по защите государственных интересов на внутреннем и внешнем рынках.

10. ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ

Проблема участия Грузии в системе мировых хозяйственных связей в условиях экономической самостоятельности, а тем более на различных этапах движения к ней, не относится общественностью к разряду тривиальных. При ее рассмотрении присутствует осторожность, основывающаяся на опасении остаться экономической колонией при смене лишь субъекта зависимости. Очевидно, что такое мнение общественности во многом сформировано под влиянием доминировавшего в советской пропаганде стереотипа характера экономических связей, когда экономические отношения в несоциалистическом мире, особенно между развитыми и менее развитыми странами, характеризовались исключительно в терминах «империализм», «колониализм», «обман», «эксплуатация», «агрессия» и т. д. и т. п. Вместе с тем не менее очевидно, что в мировом хозяйстве действительно немало проблем и противоречий, которые имеют как чисто экономический, так и политический характер и решать которые в условиях экономической самостоятельности придется и Грузии.

С точки зрения этапного характера движения Грузии к экономической самостоятельности и государственному суверенитету, особые опасения вызывает у части общественности включение Грузии во внешнеэкономические связи до того, как она стала субъектом международных отношений. Одновременно со всем этим ставится вопрос и об «экономических цепях», приковывающих Грузию к союзным республикам и необходимости разработки механизма избавления от них.

Резюмируя сказанное и сводя воедино все опасения, можно поставить вопрос, на который следует дать ответ следующим образом: как бы нам создать такую экономику, которая не мешала бы движению к политической независимости и одновременно не попала в зависимость от других ее субъектов.

Для ответа на данный вопрос очевидно необходимо рассмотреть проблему, во-первых, в общем плане, а во-вторых, в контексте современного положения, и предполагаемых реалий ближайшего будущего.

Начнем с рассмотрения проблемы в общем плане и коснемся сначала вопроса интеграции экономики Грузии в ЕНХК СССР. На западе для оценок уровня интернационализации экономики, в числе других применяют и показатель экспортной квоты. Для Грузии начала 80-х годов этот показатель с учетом вывоза в другие союзные республики и экспорта за пределы СССР составлял около 40%. Много это или мало? Ответить на этот вопрос можно лишь на основе сравнения. В странах, более или менее сравнимых с Грузией

по размерам, указанный показатель составлял в Голландии — 49,3%, в Бельгии — 58%, в Дании — 36,2%, в Швеции — 30,4%. Следовательно, можно считать, что уровень интернационализации экономики Грузии сам по себе вовсе не катастрофически высок и по этому поводу не следует бить тревогу.

Для полного описания интернационализации экономики, видимо, не лишено смысла иметь представление и о степени концентрации внешних связей экономики. Ее характеризует тот факт, что около 65% внешних связей народного хозяйства республики приходится на три союзные республики — РСФСР, Украину и Белоруссию, среди которых две трети составляет доля Российской Федерации. Что касается вышеназванных европейских стран, то по ним складывается следующая картина. Около 60% внешнеторговых связей Голландии приходится на ФРГ, Францию и Великобританию. Такова же доля Голландии, Франции и ФРГ во внешней торговле. Несколько более высокий уровень (70%) внешнеторговых отношений Швеции и Дании обусловлен связями с десятью основными партнерами. Приведенные данные свидетельствуют, что хотя уровень концентрации внешнеэкономических связей Грузии характеризуется несколько более высоко, он сопоставим, по крайней мере с положением Голландии и Бельгии, а поэтому может считаться приемлемым. Вместе с тем следует подчеркнуть, что сказанное касается лишь количественной картины и не относится к характеру и материально-вещественному содержанию этих связей.

Устраивает ли нас такая картина сама по себе в количественном отношении или надо ставить целью создание максимально закрытого хозяйства, автаркической экономики? Вот первый вопрос, ответ на который необходим для установления модели экономической самостоятельности Грузии в этой сфере.

Западный мир в процессе своего развития решил эту проблему в пользу открытого, интернационального типа экономики и ее воспроизводства. Жизнь показала ему, что экономический национализм, реализация которого есть проведение в жизнь экономической политики, направленной на создание автаркического хозяйства, не только сковывает экономическое развитие, но и вообще является опасным явлением.

Дело в том, что согласно азбуке экономической теории существует закон сравнительного преимущества, в соответствии с которым формирование мировой экономической системы из национальных экономик открытого типа, установление в мире свободных экономических отношений выгодно как для самых развитых стран, находящихся в наивыгоднейших условиях, так и отсталых стран, существующих в невыгодных условиях.

Суть этого закона хорошо иллюстрирует хрестоматийный пример. Допустим, в некоем городе живет человек А, который является лучшим в городе хирургом и одновременно лучшим машинописчиком. Предположим, что в этом же городе живет и некто Б, который также может и делать операции и печатать на машинке. Причем отстает Б от А в медицине немного в большей степени, чем в печатании. Ясно, что гражданин Б выберет в качестве вида деятельности печатание на машинке: хотя он отстает от А в выполнении обеих работ, однако в машинописи степень отставания меньше, т. е. он в этом деле обладает сравнительным преимуществом. В соответствии с этим же понятием выберет себе работу и А, который, видимо, займется медициной.

Также, как в этом случае разделение деятельности между двумя гражданами связано с работой, имеющей для каждого из них сравнительное преимущество, участие в мировой экономической системе открытых национальных экономик связано для государств с возможностью найти в ней место, характеризующееся сравнительным экономическим преимуществом. Ясно, что та страна, которая не участвует в такой экономической системе, хотя бы в меру имеющихся возможностей, не сможет строить свою деятельность в соответствии с законом сравнительного преимущества и, следовательно, уровень и качество ее развития по сравнению с потенциальным всегда будет невысоким.

Что касается опасности автаркической политики, то она объясняется, в первую очередь, экономическими причинами, отсталостью: голодный, неприкаянный человек всегда опаснее, чем сытый и довольный. Кроме того опасность автаркии подтверждается и историческим опытом. Между двумя мировыми войнами автаркические концепции приобрели самую большую популярность в фашистских государствах — Германии и Италии, ибо здесь они были подняты в ранг официальных внешнеэкономических доктрин.

Опасность автаркической Грузии для остального мира, конечно, была бы невелика, но для собственного населения автаркическое развитие действительно бы представляло немалое, мягко говоря, неудобство.

После последней мировой войны цивилизованный мир вообще забыл автаркические концепции. Был создан целый ряд международных экономических организаций, целью которых стало создание мировой экономической системы, состоящей из открытых социальных экономик. Было подписано генеральное соглашение по торговле и тарифам (ГАТТ), были созданы международный валютный фонд (МВФ), организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), другие глобальные организации — «Общий рынок» и тому подобные региональные органы и др. Они призваны путем спо-

собствования координации элементов национальных внешне-экономических политик создавать условия межправительственной координации, что в свою очередь направлено на либерализацию внешней торговли, регулирование рынков, контроль за курсами валют, движения капитала и др.

Следует отметить, что участие в любой международной организации более или менее ограничивает экономический суверенитет государств, ставит решения и политику правительства. Понимание того, что то, что хорошо для всех в мире, хорошо и для каждого в отдельности, постепенно пробивает себе путь. Сказанное не означает, что среди государств нет экономических противоречий, в том числе и серьезных, а лишь призвано охарактеризовать магистральную тенденцию.

Из всего вышесказанного следует, что автаркические тенденции не укладываются в современные мировые экономические процессы, а поэтому Грузия должна искать пути включения в мировую экономическую систему, состоящую из национальных экономик открытого типа. В соответствии с законом сравнительного преимущества каждая страна имеет возможность найти такую структуру народного хозяйства, которая характеризовалась бы для нее наибольшей эффективностью. Вместе с тем для этого не всегда у всех стран (особенно с низким уровнем развития) есть достаточно возможностей — ресурсов, технологии, квалификации, инвестиций и т. п.

Для получения этих возможностей есть два пути использования зарубежного государственного или частного капитала: путем получения займов государством и привлечения прямых частных инвестиций. Кое-кому может показаться более привлекательным первый путь. Ведь в этом случае страна использует полученные средства по собственному усмотрению и таким образом вроде бы может более успешно противостоять экономическому колониализму и пр. Корни такого подхода лежат либо в упомянутом нами экономическом национализме, либо в экономическом идеологизме. Примером последнего может служить совет К. Каутского социалистическому правительству Грузинской демократической республики не использовать прямые частные инвестиции в существенных размерах, так как они приведут к зависимости социалистической Грузии от капиталистического мира.

Является ли этот путь оправданным хотя бы с позиций того же экономического национализма, с точки зрения национальной экономической независимости? Думается, что он не способен ни предохранить страну от экономического закабаления, ни обеспечить приемлемый уровень эффективности использования ее экономического потенциала. Дело в том, что в роли должника в данном случае выступает не гражданин,

кооператив, фирма или предприятие, а страна в целом, государство. Этим создается именно опасность попадания в глобальную кабалу. Эта опасность может оказаться и мнимой, но лишь при условии, что средства, полученные посредством иностранных государственных займов, будут использоваться действительно эффективно.

В связи с этим следует отметить, что в экономическом отношении в неразвитых странах (имеется в виду не только уровень, но и характер отношений) эффективное использование заемных средств становится, как правило, невозможным. Причиной тому является царствующая здесь мелкожульническая психология, коррупция, взяточничество, другие формы паразитизма и прочие явления, несовместимые с цивилизованной экономикой, которые делают невозможным эффективное использование получаемых займов. Повсеместно имеет место их разбазаривание, применение не по назначению и расхищение. Но предположим, что в Грузии не будет таких явлений. И в этом случае государственный заем не обязательно, а вернее, вероятно, не будет использоваться эффективно. Дело в том, что недостаточно приобрести даже самую новейшую технологию для той отрасли, которая действительно в первую очередь нуждается в ней. Для устройства производства на современном уровне необходимы кроме этого адекватные ей организация и управление, квалификация, система отношений и, наконец, неформальный опыт «ноу-хау», который не переходит в страну импортер вместе с переливом капитала.

В связи со сказанным выше, кроме этого следует вспомнить, что попадание в «долговую яму» многих развивающихся стран, появление у них проблемы неоплаченного внешнего долга связано, в первую очередь, с основанным на экономическом национализме злоупотреблении иностранными государственными займами.

В связи с господствующим положением экономического национализма в странах, появившихся после крушения колониальной системы, существенно сократилась их ориентация на прямые частные инвестиции. Поэтому эта форма межгосударственных экономических связей развивалась преимущественно в отношениях между развитыми странами. Это предопределило появление новых явлений в интернационализации экономики и расширило возможности «сглаживания» циклических и структурных кризисов. В настоящее время усиление тенденции перехода к открытому типу воспроизводства национальных экономик в большей степени определяется не межправительственными мероприятиями и организациями наднационального регулирования, а расширением прямых частных инвестиций, возрастанием роли транснациональных корпораций в мировой экономике.

Примечательно, что в последнее время отношение к прямым частным инвестициям как к форме закабаления национальных экономик теряет силу. Успех т. н. новых индустриальных стран Сингапура, Гонконга и др. во многом предопределен тем, что в подъеме своих экономик они главную роль отвели не иностранным государственным займам, а прямым частным инвестициям. Результатом такой политики явилось не только то, что указанные страны существенно повысили свой технологический уровень, но и более предпочтительное, чем у остальных, внешнеэкономическое положение. Например, Сингапур — единственная страна Юго-Восточной Азии, которая имеет стабильное положительное сальдо платежного баланса. При этом, в отличие от других, она всегда воздерживалась от его регулирования посредством иностранных государственных займов, наоборот — вывозила государственный капитал, а сама широко применяла прямые частные инвестиции.

Разумеется, сказанное не означает, что страна в своих внешних связях может ограничиваться привлечением прямых частных инвестиций и вообще не использовать внешние государственные займы. Без последних обойтись нельзя, но недопустимо и переоценивать их значение.

Ясно, что при прямых частных инвестициях инвесторы, в первую очередь, ищут для вложений такие места, которые для них характеризуются максимальной выгодностью, прибыльностью. Одной из форм притяжения этих инвестиций в страну является организация специальных (свободных) экономических зон. Их главная черта — наличие существенных налоговых, таможенных, арендных и других льгот для внешнеэкономических операций, включая совместное предпринимательство. В частности, ввозимые и вывозимые товары и услуги, которые представляют предмет деятельности специальных зон, освобождаются от пошлин, не облагаются налогом прибыль, поставки в страну, на территории которой находится зона, осуществляются в конвертируемой валюте и в ней же осуществляются арендные и другие платежи зоны. Целью создания таких районов является повышение конкурентноспособности продукции, рост валютных доходов как путем увеличения экспорта, так и на основе прилива зарубежных инвестиций, снижение расходов на приобретение импортируемых товаров, освоение производства новых продуктов и др.

В начале 80-х годов в более чем 40 развивающихся странах функционировало более 100 свободных экономических зон. Известно, что такие зоны создаются в Китае, Югославии, других «социалистических» странах, но тем не менее их большое число расположено в развитых западных странах. Естественно, в таких странах цели их создания несколько отличны. В США, например, функционирует более 120 специальных экономических зон. Здесь происходит в основном ком-

плектация экспортной предукции импортными компонентами, выгодность чего определяется льготами по таможенным пошлинам.

Статус, территориальные границы, правила экономической деятельности свободной экономической зоны определяется специальным законом той страны, на территории которой она создается и, конечно же, на территории зоны действуют все остальные ее законодательства (например, законодательство о труде).

Из сказанного ясно, что свободные экономические зоны — явление достаточно распространенное в современном мире и создаются они с целью решения задач подъема или более эффективного развития национальных экономик. Поэтому возражать против их создания в Грузии как таковых неправомерно.

Теперь, когда поставленные проблемы в общем плане рассмотрены, необходимо коснуться их в контексте конкретных условий Грузии.

Раз мы исходим из недопустимости проведения автаркической политики, следовательно, безусловно признается необходимость наличия у экономики Грузии обширных внешних связей.

Вместе с тем не вызывает сомнения, что существующая в рамках СССР их система крайне неэффективна. Что ни говори, РСФСР не США, Украина не Франция, а Белоруссия не ФРГ. Не менее очевидно, что Грузии тоже далеко, например, до Бельгии, а это значит, что она обладает ограниченными возможностями завязывания внешнеэкономических связей с более предпочтительными для нее партнерами.

Тот факт, что и при наличии широкой возможности выбора партнеров внешнеэкономических связей Грузия (в силу низкого уровня развития и незаинтересованности в ней других стран), видимо, установила бы контакты с ее реальными сегодняшними партнерами, неадекватен современной ситуации, когда РСФСР, Украина и Белоруссия являются партнерами Грузии потому, что у нее (да и у них) не было другого выбора. Это последнее положение дел не может не вызывать протеста, так как оно отражает факт ущемления свободы выбора. Свобода, как известно, имеет самостоятельную ценность.

Чтобы указанные проблемы были решены, необходимо сменить механизм экономических связей союзных республик: установление экономических потоков должен осуществлять не какой-то центр, а они должны складываться на основе двух-и многосторонних договоров. Это, конечно, не значит отсутствия механизмов надгосударственного регулирования (даже если СССР как федерация полностью распадется), но они должны иметь взаимосогласованный на паритетных началах характер, а не устанавливаться сверху.

Минимальным благом, которое принесет такая перестройка, будет относительное расширение свободы выбора как самостоятельной цельности. В лучшем варианте расширение свободы выбора может совмещаться с экономическим ростом, сопровождаемым повышением благосостояния. Но в обоих случаях положительные результаты будут носить весьма и весьма относительный характер. Как действительное расширение свободы выбора, так и появление реальных возможностей полного использования потенциала экономического роста и повышения благосостояния возможно лишь в том случае, если множество вариантов внешних связей экономики Грузии не будут ограничены рамками СССР.

Если рассматривать сегодняшнее положение Грузии в составе СССР, можно увидеть, что хотя как в направлении перестройки механизма связей между республиками, так и расширения их внешнеэкономических возможностей сделаны определенные шаги, их нельзя считать достаточными.

В первом случае имеется в виду признание за союзными республиками права на экономическую самостоятельность, что создает возможность проведения ими более-менее независимых экономических политик.

Что касается собственно внешнеэкономических связей, до последнего времени из двух рассмотренных форм (государственный внешний займ и прямые частные инвестиции) в использовании первой союзные республики, в том числе и Грузия, не имели да и не имеют сейчас никаких прав, а вторая не использовалась даже в целом Советским Союзом.

Допущение создания на территории СССР совместных предприятий и возникновение идеи организации свободных экономических зон есть именно канонизация, легализация возможности прямых частных инвестиций. При этом регистрируются и страхуются совместные предприятия в органах государственного управления СССР и вносятся налоги в союзный бюджет. Республике переплачивают только платежи за пользование инфраструктурой и ресурсами. В связи с этим у общественности Грузии возникает опасение, что расширение деятельности зарубежных экономических субъектов на территории республики будет действовать в унисон силам, старающимся сохранить после косметического ремонта «статус-кво» СССР, препятствовать их национальному самоопределению.

Так ли это? По нашему мнению, такой позиции присуще некоторое искусственное сгущение красок. Дело в том, что для иностранной фирмы вообще все равно, где регистрироваться, страховаться и куда платить налоги: в бюджет СССР или Грузии. Этот факт сам по себе не может оказать никакого влияния на стратегию и тактику ее деятельности. То же еще в большей степени касается иностранных субъектов, действующих в свободной экономической зоне. Однако «цена» Гру-

зии в зависимости от того, включена ли она в ЕНХК СССР, будет для различных фирм неодинаковой. Дело в том, что интерес зарубежного капитала к СССР, если абстрагироваться от причин политических, обусловлен тем, что он является новым необъятным и неосвоенным рынком. В этом случае для той фирмы, которая начнет с каким-либо предприятием и организацией Грузии совместно производить хлопкоуборочные комбайны для Средней Азии или нефтедобывающее оборудование для Сибири, будет безразлично, будет ли Грузия находиться в составе СССР или нет. Но можно предположить, что найдутся такие виды деятельности, создание в которых совместных с иностранными фирмами предприятий, в существенно меньшей мере будет определять интерес этих последних к нахождению Грузии в составе СССР. Видимо, не требует дополнительного доказательства, что все сказанное коснется и свободных экономических зон.

Таким образом, проекты создания совместных предприятий и свободных экономических зон должны оцениваться с точки зрения интересов государственного суверенитета Грузии в каждом конкретном случае и при этом думать об их организации и действовать в таком направлении можно уже сегодня. Гарантией безошибочности или меньшей ошибочности действия должна служить разработка концепции внешнеэкономических связей Грузии, которая очертит сферы деятельности, отрасли, предпочтительные для совместного предпринимательства, число зарубежных прямых частных инвестиций, организации свободных экономических зон, а кроме того, каналы получения Грузией зарубежных государственных займов и определит приоритетные направления их использования. Ясно, что такие концепции, разработанные по всесоюзной методике, опирающейся на предпочтения ЕНХК, для экономически самостоятельной Грузии будут полностью или частично непригодными.

Отметив некоторую гипертрофированность опасений усугубления ущемления государственного суверенитета при интернационализации экономики в условиях сохранения «статуса-кво» экономической системы СССР, мы тем не менее не считаем их беспочвенными. Они не надуманы, а реальны.

В этом аспекте, конечно, для экономической самостоятельности Грузии жизненно важно приобрести статус полноправного субъекта внешнеэкономических отношений. Определенные надежды в этом плане проистекают из уже принятого закона об экономической самостоятельности Балтийских государств СССР. Согласно этому документу внешнеэкономической деятельностью расположенных на территории этих республик предприятий и в целом внешнеэкономическими связями руководят их органы государственной власти и управления, но на основе согласованных с СССР норм. Именно этими нор-

мами и будет, видимо, определена степень реальности внешнеэкономического суверенитета союзных республик. Ясно, что без четкого и недвусмысленного признания безусловного приоритета союзной республики в организации привлечения на своей территории прямых частных зарубежных инвестиций и проведении налоговой и др. политик, как и без признания за ними права получения зарубежных государственных займов, они не будут полноправными субъектами мирохозяйственных связей.

Необходимо подчеркнуть, что если приоткрытие «дверей» экономики иностранному капиталу не будет сопровождаться необходимыми мерами расширения прав республик как субъектов мирохозяйственных связей и их экономической самостоятельности вообще, капитал будет «работать», даже в предпочтительных для Грузии сферах, в значительной степени на упрочение ЕНХК СССР. В этом случае союзным республикам и вовсе никогда не видеть экономической самостоятельности, ибо уже и зарубежные фирмы, функционирующие в привлекаемых для республики отраслях (их количество в этом случае будет зависеть от Центра) как частные партнеры, придерживающиеся установленных в СССР правил, будут препятствовать любым, на их взгляд, дестабилизирующим факторам, которые могут повлиять на их доходы.

Здесь же заметим, что «непривлекательность» нынешних административно-бюрократических правил, утвержденных в СССР, является серьезной помехой к привлечению иностранного капитала в значительных масштабах. Следовательно, и это, в свою очередь, свидетельствует о целесообразности безотлагательного разрешения вопроса о расширении хозяйственно-экономических прав союзных республик в области внешнеэкономических связей.

Таким образом, исходя из неприятие создания в Грузии автаркического хозяйства, следует:

во-первых, перестроить систему экономических отношений между союзными республиками в комплексе взаимосвязей, складывающихся на рыночной, взаимовыгодной основе;

во-вторых, превратить Грузию в полноправный субъект мирохозяйственных связей, что расширит ее свободу выбора партнеров за рамки государств, входящих в состав СССР;

в-третьих, на основе соизмерения государственной и социально-экономической целесообразности различных вариантов комплекса внешнеэкономических связей привлекать в экономику иностранный капитал.

При привлечении иностранного капитала в союзные республики необходимо исходить из двоякости опыта его использования. Во-первых, необходимо учитывать, что поезд, на котором мы могли въехать в круг стран с более или менее приличным уровнем развития в качестве чайно-винно-марганцево-

го придатка, давно ушел. Для осуществления экономического рывка в современных условиях нужна иная стратегия, примером которой является опыт т. н. «новых индустриальных стран», которые прорвались в указанный круг с современной технологией, электроникой и высококонкурентными традиционными товарами.

Во-вторых, следуя их примеру, нельзя забывать, что большинство развивающихся стран использовало в качестве «локомотива», вывозящего их экономику на уровень, более или менее пригодный для участия в системе мировых экономических связей отрасли своей специализации.

Такой рывок на собственной основе невозможен. Так же, как и всем, необходимы достаточно крупные иностранные инвестиции и займ. Уж нечего и говорить о том, что сама система экономических отношений внутри страны должна обеспечивать эффективное впитывание займов и инвестиций. У нас пока нет такой экономики, как и представления о том, какое влияние могут оказать мировые экономические процессы на Грузию, каково ее место в них. Обе эти задачи необходимо решать уже сегодня, и если по первому направлению определенные шаги делаются, то вторая задача продолжает оставаться вне должного внимания. Поэтому необходимо создание научно-консультационного центра или ведомства, или другой структурной единицы, которая изучила бы Грузию в свете мировых экономических процессов, одновременно направляя и координируя исследования и практическую деятельность всех прочих организаций в данной сфере.

საქართველო ეკონომიკური დამოუკიდებლობის გზაზე

რეზიუმე

დღეს საქართველო მიდის დამოუკიდებლობის აღდგენის გზით. ამ მიზნის მიღწევა წარმოუდგენელია მის მიერ დამოუკიდებელი სოციალურ-ეკონომიკური პოლიტიკის გატარების გარეშე. წინამდებარე წიგნი სწორედ საქართველოს ეკონომიკური დამოუკიდებლობის მიღწევის პრობლემების განხილვას ეძღვნება.

ახლაც კი საზოგადოების ნაწილი ეჭვის თვალით უყურებს საქართველოს თავისთავადი ეკონომიკური განვითარების შესაძლებლობებს. ამ ეჭვის უსაფუძვლობაზე მეტყველებს 1918—1921 წწ. საქართველოს დემოკრატიული რესპუბლიკის ისტორიული გამოცდილება. ამ პერიოდში საქართველომ, რუსეთის იმპერიის ჩამორჩენილმა განაპირა მხარემ, შესძლო თავისი ეკონომიკის წარმართვა არანაკლები წარმატებით, ვიდრე ევროპის ზოგიერთმა ქვეყანამ. გარდა ამისა დამოუკიდებელმა საქართველომ, პირველმა დემოკრატიულმა სოციალისტური ორიენტაციის სახელმწიფომ, 3 წლის მანძილზე თავის განვითარებაში მიიწინა ის მიჯნები, რომლებიც შემდეგ გაიარა დასავლეთის რიგმა ქვეყანამ. საუბედუროდ ტოტალიტარული სოციალიზმის ბოლშევიკურმა რუსეთმა დაარღვია 1920 წ. 7 მაისის ხელშეკრულება, ხელაყო საქართველოს სუვერენიტეტი და მოახდინა მისი იძულებითი გასაბჭოება. აღსანიშნავია, რომ საქართველოს ანტისაბჭოთა და ანტისოციალისტური ძალებიც კი ეროთბ ლოიალურად ეკიდებოდნენ ახალ ხელისუფლებას, სანამ რჩებოდა იმის იმედი, რომ აღნიშნული პროცესები ცვლიდნენ რა პოლიტიკურ სისტემას აშკარად არ ემთქრებოდნენ დამოუკიდებლობას. მაგრამ სულ მოკლე ხანში საქართველო აღმოჩნდა სსრ კავშირის შემადგენლობაში. სსრ კავშირის არსის თაობაზე თავიდანვე იყო განსხვავებული შეხედულებები. ვ. ლენინი თვლიდა, რომ შესაძლებელი იყო დამოუკიდებელი სოციალისტური რესპუბლიკების კავშირის არსებობა მხოლოდ სამხედრო და საგარეოპოლიტიკურ სფეროებში. სამწუხაროდ, სსრ კავშირი შეიქმნა ი. სტალინის „ავტონომიზაციის“ გეგმის მიხედვით, ანუ ჩამოყალიბდა განახლებულ, ამჟამად

უკვე საბჭოთა იმპერიად. ამ თვალსაზრისით ცენტრალური ხელისუფლების მიერ მიღებული უკანასკნელი საკანონმდებლო აქტები სსრ კავშირისა და მოკავშირე რესპუბლიკებს შორის ურთიერთობათა შესახებ წარმოადგენენ „ავტონომიზაციის“ იდეის საერთოდ სტალინიზმის რეაქციული სულისკვეთების დაკანონების შენიღბულ ცდას.

სსრ კავშირის პოლიტიკურ წყობილებას განამტკიცებდა შესაბამისი ეკონომიკური სისტემა. მისი ძირითადი ნიშნებია სახალხო მეურნეობის ნატურალური ხასიათი, ტექნიკისა და ტექნოლოგიის რუტინულობა მსოფლიოს საუკეთესო სტანდარტებთან შედარებით, წარმოების საშუალებებზე საკუთრების ცენტრალიზაცია სახელმწიფოს ხელში და, მარქსისტული პოლიტეკონომიის ენით რომ ვთქვათ, ადამიანის მიერ ადამიანის ექსპლუატაციის ე. წ. კაპიტალიზმის ქვეყნებთან შედარებით გაცილებით მაღალი დონე. ეკონომიკური სისტემა, რომელიც ხასიათდება ამ ოთხი ძირითადი ნიშნით მარქსისტული პოლიტეკონომიის ენაზე შეიძლება შეფასებულ იქნეს, როგორც სახელმწიფო მონოპოლისტური ფეოდალიზმი.

სსრ კავშირში ჩამოყალიბებული ეკონომიკური სისტემის გარდაქმნის მიმართულება თავდაპირველად მოცემული იყო ესტონეთის მიერ შემუშავებული ეკონომიკური დამოუკიდებლობის კონცეფციაში, რომელსაც პირობითად ვუწოდებთ ეკონომიკის ესტონურ მოდელს. მისი ძირითადი მომენტებია საკუთრების დეცენტრალიზაცია კერძო საკუთრების აუცილებელი დაშვების, საბაზრო ეკონომიკაზე გადასვლა საწარმოთა უწყებრივი დაქვემდებარების გაუქმების, დამოუკიდებელი საფინანსო და საბანკო საქმიანობის პირობებში.

სსრ კავშირის ცენტრალური ორგანოების მიერ ჩანერგილი შიში, თითქოსდა ეკონომიკურად სუსტად განვითარებულ რესპუბლიკებს არ შეუძლიათ ეკონომიკის ესტონურ მოდელზე გადასვლა, საფუძველსაა მოკლებული; სწორედ რომ ეკონომიკურად სუსტად განვითარებულ რესპუბლიკებს ესაჭიროებათ ეკონომიკური სისტემის აშკარა შეცვლა, რათა რეალურად შესაძლებელი გახდეს ეკონომიკური განვითარება, წინსვლა.

მოკავშირე რესპუბლიკის რეალური სუვერენიტეტი წარმოუდგენელია მის მიწაზე და სხვა ბუნებრივ სიმდიდრეზე რესპუბლიკური საკუთრების გარეშე.

სსრ კავშირის ეკონომიკური სისტემის გარდაქმნის რეალობაზე გარკვეულად მეტყველებს ის, რომ დღეს უკვე ბევრ რესპუბლიკაში (მათ შორის საქართველოშიც) დამუშავდა ეკონომიკური დამოუკიდებლობის კონცეფციები, რომლებიც ამოსულია „ესტონურ ნიადაგზე“.

მოკავშირე რესპუბლიკების ეკონომიკური „ტყვეობის“ ობიექტური საფუძველი ძვეს სსრ კავშირის ერთიან სახალხო-სამეურნეო კომპლექსში, რომელიც შექმნილია არა მათი სასიცოცხლო, არამედ ე. წ. ზერესპუბლიკური — საკავშირო ინტერესების გათვალისწინებით. მოკავშირე რესპუბლიკის სუვერენიტეტის ეკონომიკურ საფუძველს წარმოადგენს საკუთარი, ერთიანი, სახალხო-სამეურნეო კომპლექსის შექმნა, რომელიც შესაძლებელია გააზრებული ეკონომიკური პოლიტიკის გატარებით. მის საფუძვლად შეიძლება აღებულ იქნეს შემდეგი სქემა „მოკავშირე რესპუბლიკაში — ქვეყნის ბაზარი, სსრ კავშირში — რეგიონული ბაზარი“.

ამასთან ეკონომიკური დამოუკიდებლობის საკითხების განხილვასთან კავშირში წამოიწევა კერძო საკუთრების, როგორც ფიზიკურ პირთა საკუთრების, მაქსიმალურად ფართოდ გავრცელების პრობლემა. დამაკავშირებელ რგოლად აქ გვევლინება ის, რომ განაღებულ საქართველოში ადამიანი თავისუფალი უნდა იყოს, ხოლო ადამიანის თავისუფლების საფუძველი — კერძო საკუთრებაა. ამით კერძო საკუთრებაზე მყარდება იმედები, რომელთა გამართლება მას არამც და არამც არ ძალუძს. გავიხსენოთ, რომ განვითარებულ ქვეყნებში: შვედეთში, აშშ-ში, კანადაში, ავსტრიაში და დასავლეთ გერმანიაში კერძო მესაკუთრის, მათი ოჯახის წევრებისა და დამოუკიდებელ მწარმოებელთა ხვედრითი წილი ეკონომიკურად აქტიურ მოსახლეობაში შესაბამისად: 8, 9, 10, 13 და 14 პროცენტს არ აღემატება, მაშინ როდესაც ტაილანდში 80, ხოლო ნეპალში 90 პროცენტს შეადგენს. ამიტომ, პირველრიგში ყურადღების კონცენტრაცია უნდა მოხდეს არა კერძო საკუთრების საყოველთაო გავრცელებაზე, არამედ ისეთი ფორმების შექმნაზე, რომლებიც დაჭირავებულ მუშაკს წარმოების საშუალებათა ისეთსავე მეპატრონედ გადააქცევს, როგორიცაა მესაკუთრე — ასეთი რამე კი შეიძლება მოხდეს მხოლოდ მაშინ თუ საქართველოში ჩამოყალიბდება საბაზრო ეკონომიკა, რომლის პირობებშიც კერძო მეწარმეც, ჯგუფურ (კოლექტიური) საკუთრებაში მყოფი საწარმოც და სახელმწიფო საწარმოც თანაბრად დამოუკიდებელი იქნებიან თავის საქმიანობაში.

„რეალურ-სოციალისტურ“ ეკონომიკურ სისტემას იმანენტურად ახასიათებს ადამიანის პირადი თავისუფლების შეზღუდვა. ასეთ შეზღუდვათა ორი კლასი არსებობს, პირველი მათგანი ზღუდავს ნეგატიურ ანუ არჩევანის თავისუფლებას, ხოლო მეორე კი პოზიტიურ ანუ შეძენის თავისუფლებას. ღირებუთულ ეკონომიკაზე უარის თქმა მნიშვნელოვანწილად აფართოებს არა მარტო პოზიტიურ თავისუფლებას, ზრდის

შესაძლებლობას, არამედ, რაც მთავარია, აბათილებს ნეგატიური თავისუფლების შეზღუდვას.

საბაზრო ეკონომიკაზე გადასვლას საზოგადოებრიობის ნაწილი უკავშირებს ჩრდილოვანი ეკონომიკის შემდგომ განმტკიცებას. ასეთი აზრი შედეგია იდეოლოგიური პროპაგანდისა, რომლის თანახმადაც ჩრდილოვანი ეკონომიკა წარმოსახულია, როგორც კაპიტალისტური ნაქდევნი სოციალისტურ ორგანიზმზე. ამასთან ჩრდილოვანი ეკონომიკის მასშტაბები ჩვენთან თავისთავად აღემატება ასეთივე ეკონომიკის სიდიდეს განვითარებულ ქვეყნებში; თანაც იგი სოციალიზმის დროს მნიშვნელოვანი სპეციფიკით ხასიათდება. ერთი მხრივ, ჩვენთან ხელოვნურად იყო და ჯერ კიდევ არის „ჩრდილში“ მოქცეული სავსებით უწყინარი, საზოგადოებისათვის საჭირო და სასარგებლო საქმიანობათა სახეობები, რაც გამომდინარეობს „რეალური სოციალიზმის“ დროს ადამიანის ეკონომიკურ თავისუფლებათა შეზღუდვიდან. მეორე მხრივ კი ჩვენებურ „ჩრდილოვან“ ეკონომიკაში ძალზედ დიდი ხვედრითი წილი უკავია პარაზიტულ — მექრთამეობას, კორუფციას და სხვა. ამდენად საბაზრო ეკონომიკაზე გადასვლისას იქმნება პირობები, რომ ნმოხდეს ჩრდილოვანი ეკონომიკის სასარგებლო ტრანსფორმაცია. ჯერ ერთი, შესაძლებელი ხდება მასში ჯერჯერობით შემავალი მეწარმეობის ლეგალიზება და მისი ჩაყენება საზოგადოების სამსახურში და, მხოლოდ, პარაზიტულ მნიშვნელოვნად ეცლება არსებობის ეკონომიკური საფუძვლები; რა თქმა უნდა, ამ საკითხის განხილვისას გასათვალისწინებელია პრობლემის ეთიკური ასპექტიც, რომელიც მდგომარეობს პარაზიტული გზით მიღებული შემოსავლების ეკონომიკური ძალაუფლების ბერკეტებად გადაქცევის საშიშროებაში.

ეკონომიკური დამოუკიდებლობის მიღწევა შეუძლებელია საკუთარი ეროვნული ვალუტის გარეშე. აქვე გასათვალისწინებელია ის გარემოება, რომ აუცილებელია შეიქმნეს მისი შემოღების ისეთი მექანიზმი, რომელიც ხელს შეუწყობს ეკონომიკის გაჯანსაღებას.

ქართული ეროვნული ვალუტის — თეთრის შემოსაღებად პირველ ხაანებში აუცილებელია, რომ მიმოქცევაში მასთან ერთად დროებით დიარჩეს საბჭოთა მანეთიც. თეთრის მიმოქცევის სფერო უნდა განისაზღვროს იმ სასაქონლო მასითა და მომსახურების ოდენობით, რომლებზეც არის სტაბილური მოთხოვნა მსოფლიო ბაზარზე. ამ შემთხვევაში მოცემულ სფეროში თეთრი უშუალოდ გადაიცვლება სხვადასხვა ქვეყნის კონვერტირებად ვალუტაში.

თეთრით უნდა გაიცეს ხელფასის ის ოდენობა, რომლის ხვედრი წილი უკანასკნელში (ხელფასში) არ აღემატება ზემოხსენებული სასაქონლო მასისა და მომსახურების ხვედრით წილს საქართველოს

ერთობლივ ეროვნულ პროდუქტში. იმ საწარმოებსა და ორგანიზაციებს, რომლებიც სწორედ, რომ ასეთი სახის საქონელს აწარმოებენ და ამგვარ მომსახურებას ეწევიან ექნებათ შესაძლებლობა ხელფასის დამატებითი ნაწილი გასცენ თეთრით. ეს კი როგორც ცალკეულ საწარმოებსა და ორგანიზაციებს, ისე საქართველოს მთელ მოსახლეობას შეუქმნის გარკვეულ სტიმულს გააფართოონ მსოფლიო ბაზარზე გასვლის შესაძლებლობები, რაც თანდათანობით გამოიწვევს თეთრის მიმოქცევის სფეროს გაფართოებას მანეთის მიმოქცევის სფეროს შეკვეცის ხარჯზე. ამ პროცესის შედეგად საქართველოს საბოლოო ჯამში ექნება საკუთარი კონვენტირებადი ვალუტა.

ცხადია, რომ საბაზრო ეკონომიკის ჩამოყალიბება საქართველოში მოითხოვს სოციალურ-ეკონომიკური პროცესების სახელმწიფო რეგულირების პრინციპულ ცვლილებას.

ვინაიდან საქართველოს აქვს ღია ეკონომიკა, მისი განვითარების, წინსვლის შესაძლებლობები და დონე მნიშვნელოვანწილად დამოკიდებულია იმაზე, თუ როგორ შესძლებს ის მის გარეთ მიმდინარე ეკონომიკურ პროცესებში, ეკონომიკური დამოუკიდებლობის პირობებში, ჩართვას. ამის აუცილებელი პირობაა, რომ ეკონომიკური კავშირები, ერთი მხრივ, დღევანდელ მოკავშირე რესპუბლიკებთან, ხოლო, მეორე მხრივ, საზღვარგარეთის ქვეყნებთან განიხილებოდეს ერთიან, საგარეო-ეკონომიკურ ასპექტში. იმისათვის, რომ საქართველო ეფექტიანად ჩაერთოს მსოფლიო-სამეურნეო სისტემაში აუცილებელია შემუშავდეს შიდა და საგარეო-ეკონომიკური სისტემის და პოლიტიკის შერწყმისა და საგარეო-ეკონომიკური კავშირების მექანიზმები; აგრეთვე განისაზღვროს საგარეო-ეკონომიკური კავშირების სტრუქტურა და პრიორიტეტები.

ერთობლივ ეროვნულ პროდუქტში. იმ საწარმოებსა და ორგანიზაციებს, რომლებიც სწორედ, რომ ასეთი სახის საქონელს აწარმოებენ და ამგვარ მომსახურებას ეწევიან ექნებათ შესაძლებლობა ხელფასის დამატებითი ნაწილი გასცენ თეთრით. ეს კი როგორც ცალკეულ საწარმოებსა და ორგანიზაციებს, ისე საქართველოს მთელ მოსახლეობას შეუქმნის გარკვეულ სტიმულს გააფართოონ მსოფლიო ბაზარზე გასვლის შესაძლებლობები, რაც თანდათანობით გამოიწვევს თეთრის მიმოქცევის სფეროს გაფართოებას მანეთის მიმოქცევის სფეროს შეკვეცის ხარჯზე. ამ პროცესის შედეგად საქართველოს საბოლოო ჯამში ექნება საკუთარი კონვენტირებადი ვალუტა.

ცხადია, რომ საბაზრო ეკონომიკის ჩამოყალიბება საქართველოში მოითხოვს სოციალურ-ეკონომიკური პროცესების სახელმწიფო რეგულირების პრინციპულ ცვლილებას.

ვინაიდან საქართველოს აქვს ღია ეკონომიკა, მისი განვითარების წინსვლის შესაძლებლობები და დონე მნიშვნელოვანწილად დამოკიდებულია იმაზე, თუ როგორ შესძლებს ის მის გარეთ მიმდინარე ეკონომიკურ პროცესებში, ეკონომიკური დამოუკიდებლობის პირობებში, ჩართვას. ამის აუცილებელი პირობაა, რომ ეკონომიკური კავშირები, ერთი მხრივ, დღევანდელ მოკავშირე რესპუბლიკებთან, ხოლო, მეორე მხრივ, საზღვარგარეთის ქვეყნებთან განიხილებოდეს ერთიან, საგარეო-ეკონომიკურ ასპექტში. იმისათვის, რომ საქართველო ეფექტიანად ჩაერთოს მსოფლიო-სამეურნეო სისტემაში აუცილებელია შემუშავდეს შიდა და საგარეო-ეკონომიკური სისტემის და პოლიტიკის შერწყმისა და საგარეო-ეკონომიკური კავშირების მექანიზმები; აგრეთვე განისაზღვროს საგარეო-ეკონომიკური კავშირების სტრუქტურა და პრიორიტეტები.

Папава Владимир Георгиевич, Ахметели Рамаз Отарович

ГРУЗИЯ НА ПУТИ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ

«МЕЦНИЕРЕБА»

ТБИЛИСИ

1990

ვლადიმერ გიორგის ძე პაპავა, რამაზ ოთარის ძე ახმეტელი

საპარტველო ეკონომიკურ დამოუკიდებლობის გზაზე

„მეცნიერება“

თბილისი

1990

Напечатано по постановлению Научно-издательского
совета Академии наук Грузии

Редактор издательства М. Гайдарова

Художник Г. Ломидзе

Худож. редактор М. Хурцилава

Техредактор Э. Бокерия

Корректор М. Бахтадзе

Сдано в набор 22.10.90; Пидписано к печати 18.12.90; Формат
бумаги 60/90^{1/16}; Бумага №1; Печать высокая
Гарнитура литературная; усл. печ. л. 6,0; Уч.-изд. л. 6,4;

Тираж 1500

Заказ 2647

Цена 1 руб. 30 коп.

გამომცემლობა „მეცნიერება“, თბილისი, 380060, კუთუზოვის ქ., 19

Издательство «Мецниереба», Тбилиси, 380060, ул. Кутузова, 19

საქართველოს სსრ მეცნ. აკადემიის სტამბა, თბილისი, 380060, კუთუზოვის ქ., 19

Типография АН Грузинской ССР, Тбилиси, 380060, ул. Кутузова, 19